

Слово редактора

РАСПАД ИМПЕРИЙ И ПРОБЛЕМА КОЛОНИАЛИЗМА (статья вторая)

В.П. Макаренко
Южный федеральный университет

Аннотация: Автор на примере российско-чеченского конфликта эксплицирует механизм проявления общих проблем и особенностей распада империй на постсоветском пространстве. Во второй статье анализируется эвристический потенциал концепции колонизации французского историка Марка Ферро. По мнению автора, теория и история колониализма нуждается в пересмотре с учётом нового эмпирического и концептуального материала.

Ключевые слова: колониализм, империя, российско-чеченский конфликт, права человека, национальное самоопределение.

Десять лет назад я опубликовал статью о концепции колонизации, разработанной французским историком Марком Ферро¹. Но его книга на эту тему до сих пор не переведена на русский язык. Для суждения о продуктивности его концепции вначале сжато повторю содержание статьи.

М. Ферро констатирует ситуацию: на колониальную эпоху до недавнего времени смотрели сквозь розовые очки распространённого стереотипа: из-за преследований в родной стране колонисты вынуждены были бежать за тридевять земель; на новой земле они соблюдали христианские заповеди – в поте лица ели хлеб свой, плодились, размножались, защищались от аборигенов; страдали, и потому заслуженно пользуются славой «пионеров-первооткрывателей».

Однако после второй мировой войны началась антиколониальная эпоха – «время нечистой совести». Теперь под флагом антиколониализма выступают как «левые», так и «правые». Под «суд истории» поставлены итоги французской, английской, голландской, американской, русско-советской эксплуатации колониальных стран и народов. На деле такая оценка выражает крайнее высокомерие. Европа оставила за собой последнюю привилегию – бескомпромиссной оценки собственных преступлений.

В целях полемики с этой привилегией надо предоставить слово представителям бывших колониальных стран. Они не забыли преступлений колонизаторов, но тепло вспоминают белых врачей, отцов-миссионеров и учителей, деятельность которых была элементом колонизации. Поэтому борьба за независимость не тождественна «деколонизации». Традицион-

¹ См.: Макаренко В.П. Колониализм: взгляд из сегодняшнего дня // Общество и экономика. – 2002. – № 8-9.

ная история колонизации воплощает точку зрения метрополии и в этом смысле есть продолжение метрополии. Написанные колонистами истории – это истории народов-колонизаторов, а не истории ограбленных стран. М. Ферро предлагает другой подход к исследованию.

Принципы анализа

Этот подход базируется на анализе исторического прошлого метрополий и колоний, поскольку оно влияет на отношения колонизаторов и колонизированных. Европейская историография длительное время полагала, что у колонизированных народов не было истории, а их прошлое «затеряно во мраке». Данный предрассудок постепенно исчезает по мере изучения «непроницаемых столетий» истории, непонятной колонизаторам. Сходство оккупированных народов не определяется тем, что все они находились на доколониальной стадии развития. Одна колонизация отличается от другой. Реакции народов на колонизацию различны и зависят от их истории и идентичности.

Однако не только история создает образ прошлого, в котором колониализм рассматривается с европейской точки зрения. Европейцы на протяжении пятисот лет воплощали колониализм и тем самым способствовали современной унификации мира. Другие регионы мира тоже участвовали в процессе, в результате которого планета приняла нынешний вид². Но французский историк не пытается составить перечень всех экспансий и колонизаций и на этой основе квалифицировать европейскую колонизацию как частный случай. Его интересует сравнение европейской и других колонизаций. Принцип учета мировых параметров феномена колонизации определяется отрицательным отношением М. Ферро к европоцентричному образу мировой истории.

В этом контексте колонизация переплетена с империализмом – формой господства, которое воплощалось в существовании империй, но не всегда было связано с колонизацией. С одной стороны, колонизированные народы в XVI–XX вв. (Индия, Ангола, Антильские острова) приобретали опыт преемственности подчинения, а не разрыва с прошлым, хотя в период империализма (с конца XIX в.) подчинение воплощалось в новой форме. С другой стороны, некоторые историко-географические целостности не были колониями в строгом смысле слова (Османская империя до 1914 г., Иран, государства Средней и Южной Америки, Российская империя и Советский Союз). Но и они понимали свою историю как историю борьбы с империалистическими державами.

Следующий принцип анализа – разрыв с традицией, согласно которой после колонизации всегда и везде начиналась борьба народов за независимость. Эти процессы нередко развивались параллельно (в Бенине, Бирме, Вьетнаме и т.д.). Конечно, язык колонизаторов заслонял образ мира побежденных. Но отсюда не следует, что в период колонизации последние отвергали идею господства над собственной историей. М. Ферро предлагает отказаться от термина «деколонизация» – пережитка европоцентризма.

Последний принцип – освобождение истории колонизации из гетто традиции. Например, в трудах по истории Франции никогда не говорится о колонизации собственной страны. Является ли этот факт переоценкой, сознательным пренебрежением или табу? Если речь идет о колонизации Европы, «эффект бумеранга» (прежде всего в экономической сфере) де-

² Древние греки и римляне были колонизаторами задолго до европейцев; арабы и турки захватили бассейн Средиземного моря, часть черной Африки и западной Азии, включая Индию; Индия в начале нашей эры колонизовала Цейлон, часть Индокитайского полуострова и Сундайские острова; китайцы в XV в. исследовали восточное побережье Африки и колонизировали Тибет; японцы колонизировали остров Езо задолго до прихода русских на Сахалин, а французов – в Канаду.

тально изучен в отношении Севильи, Бордо, Бристоля, Нантье и т. д. Но являются ли колониальные отношения совершенно специфическими или же их можно сравнивать с другими отношениями? История Российской империи позволяет поставить производный вопрос: каково различие колониальной и национальной проблем и не является ли его критерием особый статус оккупированных наций и исключение национальных элит из центральной власти? Не менее важен вопрос: относились ли политические режимы Европы к своему народу как колонизированному? Конечно, с течением времени расизм маскируется, но порождает множество ситуаций, сходных с нацизмом. М. Ферро приводит характерные примеры такого сходства³.

Указанные принципы определяют подход М. Ферро к проблеме колонизации. Колониальные захваты, разделы и соперничество рассматриваются со времени их появления – с XII в. до нынешнего спора о Курилах между Россией и Японией. В этом же временном промежутке анализируются положение и сопротивление угнетенных народов, черная и белая легенды колонизации, политические движения колонистов, процесс формирования новых государств и т. д. Автор отвергает традицию, согласно которой вначале изучаются великие открытия, затем колониальная экспансия до XIX в., империализм и, наконец, «деколонизация». Предлагаемая структура позволяет учитывать сложность феномена колонизации, включая характер (природу), историческое появление и ментальность наций, которые формируются до настоящего времени. Сравнение видов коллективной памяти недостаточно для описания проблем истории и последствий колонизации. Однако в памяти сохраняются исходные данные - мир представлений есть в той же мере история, как и сама история. Поэтому даже ложная память есть элемент и фактор истории одновременно. По этой причине процессы колонизации нуждаются в сравнительном подходе – описании реальных ситуаций и проблем в ущерб строгому соблюдению концептуальных принципов.

Концептуальная структура и главные проблемы

М. Ферро определяет колонизацию как захват, заселение и обработку колонистами чужой земли. Согласно такому определению, колонизация начинается в Древней Греции и Риме и потому можно говорить об афинском и римском империализме. Но смысл данного термина менялся. Западная историческая традиция связывает начало колониализма с эпохой великих географических открытий⁴. Однако история России позволяет усомниться в таком

³ В Национальной Фильмотеке Англии хранится кинолента периода британского господства в Индии, просмотре которой вызывает обескураживающую аналогию. Демонстрируются военные парады, колониальные шлемы, дисциплина, рационально и эстетически организованное пространство, в фокусе которого находится король Георг V, а вокруг – публика за кордоном полиции. Это предвосхищает гитлеровские церемонии двадцать лет спустя и далеко не случайно: «Христианская буржуазия Европы не может простить Гитлеру не столько преступлений против человечества и унижения человека как такового, сколько преступлений против белого человека. Действительно, Гитлер применил в Европе колониальные методы, которые раньше широко использовались в отношении арабов, индийских кули и африканских негров». Ferro M. *Historia kolonizacji*. – Warszawa: Bellona, 1998. – Ss. 9-10. Не менее скандальную аналогию реализовал губернатор Западной Австралии в 1993 г. Он предложил провести референдум относительно решения Верховного Суда вернуть аборигенам земли, ограбленные на протяжении последнего столетия. Англиканский архиепископ сказал по этому поводу: «Правительство штата применяет методы нацистов». Апелляция к «демократической» воле – в отличие от призыва к бесстрастному, но справедливому закону – есть разновидность тоталитарной практики и острая проблема нашего времени.

⁴ Например, в 1991 г. издана «История колониальной Франции». В этой книге начало колонизации связывается с открытием в XV в. Канарских островов, которые Жан де Бетанкур получил в лен от короля Кастилии Генриха IV. Затем осуществлены путешествия с исследовательскими целями и открыта Америка. В середине XVI в. захвачены залив Рио де Жанейро и побережье Флориды. При Генрихе IV Франция заинтересовалась Ка-

подходе. В.О. Ключевский писал: «История России есть история страны, которая колонизируется. Колонизация – основной фактор нашей истории. Ее развитие объясняет рост и изменения государства и общества со времени Киевской Руси». Новгород и Суздаль в XII в. снаряжали экспедиции на Урал. Так были подчинены мордва и другие народности. Нападение татар прервало колонизацию, но она возобновилась после битвы на Куликовом поле. Россия начала колониальные захваты в буквальном смысле слова уже в начале XI в., когда Новгород посылал своих людей до Печоры. Эта территория называлась Заволжье, изобиловала дичью и рыбой и платила дань пушниной. Колонисты селились в Матигорах и Ухто-Острове по указанию посадников – городских чиновников Великого Новгорода.

До XII в. экспансия шла без особых конфликтов. Ситуация изменилась, едва Суздальско-Ростовское княжество отделилось от Киева. Оно перерезало торговый путь Новгорода с колониями, принудило их отделиться от Новгорода (1169 г.) и подчиниться Суздалью. Одновременно Суздальско-Ростовское княжество напало на болгар (которые жили на территории современной Перми и воевали с аборигенами-уграми) и захватило территорию мордвы. Первичная колонизация была прервана нападением татар, которые захватили Нижний Новгород (основан в 1221 г. на исконных землях мордвы) и дошли до Северной Двины. Только расположенный западнее Новгород противостоял татарам (1232 г.).

Пример Древней Руси свидетельствует о реальных различиях и подобиях (с учетом трудностей колонизации) между ранней территориальной экспансией России в направлении Урала и Сибири и последующими захватами татарских и турецких территорий. Если в России территориальная экспансия и колонизация *совпадают*, то на Западе эти процессы тщательно разделяют. При этом морское пространство считается главным критерием отличия территориальной экспансии от колонизации. М. Ферро предлагает отвергнуть этот критерий, а изучать проблему различия территориальной экспансии и колонизации.

История Испании и Португалии показывает, что морское пространство не является главным критерием различия между территориальной экспансией и колонизацией. В этих странах Америка определяется как захваченная и колонизированная территория, которая не отличается от первичного захвата и колонизации территорий вне Гренады (горы Риф, атлантическое побережье, португальские Альгарве, Танжер и Мазаган). После этого наступил период арабского ига. После освобождения от арабов король Себастиан вторично захватил указанные территории, но проиграл «битву трех королей» при Альказарквивире (1578 г.).

Итак, нет существенных различий между территориальной экспансией и колонизацией России, Испании и Португалии, хотя первая страна считается сухопутной, а вторая и третья – морскими цивилизациями. Россия продолжила экспансию в Заволжье после освобождения от татаро-монгол. Испания и Португалия после освобождения от арабского ига поступили аналогично – продолжили прежнюю экспансию. Следовательно, надо исходить из взаимосвязи территориальной экспансии и колонизации.

Отсюда вытекает, что начало колонизации не совпадает с эпохой великих заморских открытий и поиском пути в Индию. Конечно, открытия изменили феномен и природу колонизации, но территориальная экспансия древнее колонизации. А необходимость последующего обхода и окружения Османской империи европейскими державами не изменила феномен колониальной экспансии. На этой посылке базируется арабская историография, которая считает крестовые походы началом европейской экспансии и первым проявлением империа-

надой. Аналогичный подход применяется к Португалии, Испании и Англии. Историография связывает территориальную экспансию данных стран с открытием земель в Вест-Индии и основанием факторий на путях Африки, Индии и Азии. Затем понятия колониста и колонизации исчезают из исторического словаря на целых 12 столетий. В период от Древнего Рима до XV в. исключением были только колонии и фактории Венеции и Генуи на дальних берегах Средиземного и Черного моря.

лизма. Западная историография рассматривает крестовые походы как стремление отбить Священную Землю у мусульман, захвативших христианские территории. В любом случае европейская колонизация началась на рубежах христианского мира.

М. Ферро показывает, что уже в VII в. ислам объединил большую часть средиземноморского мира, раздробленного со времен раздела Римской империи и нападения варваров. Византия на востоке и королевство Каролингов на Западе стали центрами христианского сопротивления исламу. Знаменосцы ислама не придавали никакого значения варварским королевствам Запада (например, битва при Пуатье 732 г. не упоминается в арабских хрониках, а появляется в историографии значительно позже). Византия стала действительным барьером на пути нового объединения средиземноморского мира. Мусульмане считали Византию анахроничным государством, поскольку в ней господствовала устаревшая религия христианства. Крах арабской империи начался в следующем столетии вследствие теологических и династических внутренних конфликтов между шиитами и суннитами, распада экономического пространства и невозможности контролировать громадное пространство от Индии до Гибралтара.

Итак, освобождение христианства началось с окраин. На западе первой освободилась Астурия, на востоке Багратиды временно освободили Армению и Грузию. Следует ли считать эти события «освобождением» или «деколонизацией»? Согласно христианской традиции, затем началась эпоха крестовых походов «за восстановление Гроба Господня». Арабский хронист Ибн Аль-Азир так описывает первый крестовый поход: «Первое нападение государства франков на исламские земли произошло в 478 г. (1086 г. христианской эры), когда был взят Толедо. Затем они напали на Сицилию, Африку, а в 490 г. на Сирию»⁵. Показательно, что и в XIX-XX в. мусульмане рассматривают создание новых государств на Ближнем Востоке под эгидой европейских государств как предвестие будущих «нападений». В европейской историографии последним крестовым походом считается поход Людовика Святого в Тунис в 1270 г. Спустя три столетия под эгидой Папы и короля Испании Филиппа II христиане разгромили исламский флот в битве при Лепанто (1571 г.). Исламские историки называют это событие «тринадцатым крестовым походом».

Но в трехсотлетнем промежутке между этими датами арабов сменили турки, разгромившие бывшую арабскую империю. Арабо-мусульманская историография до настоящего времени скрывает войну единоверцев. В результате гробовщиками былой славы арабов оказываются не турки, а Запад, возобновивший наступление в эпоху империализма.

Фактически после разгрома арабов турки-османы заняли их место и начали новый джихад, который привел к падению Византии – Восточной Римской империи (1453 г.). Затем турки пошли на Вену – столицу Габсбургской империи. Мусульманская Османская империя в эпоху Сулеймана находилась в расцвете сил. Филипп II в битве при Лепанто затормозил вторичную экспансию ислама. Была ли она «территориальным захватом» или «колонизацией»?

Для ответа на вопрос М. Ферро описывает четыре направления колонизации. Христиане пошли в контратаку на ислам сразу несколькими путями и совершенно неожиданно. Для торговли с Индией и Китаем (открытыми Марко Поло), требовалось найти новые пути обхода и окружения Османской империи. Поэтому путешествие Васко да Гама обладает религиозным смыслом. После обхода Африки с юга и прибытия в Калькутту он сказал, что «приехал искать христиан и пряности». Вслед за португальцами турки рассматривали торговлю (связанную с открытиями) как форму священной войны, утверждая: «Прокопаем канал в

⁵ Цит по: Ferro M. Op. cit., s. 13.

Суэце и проложим путь в Индию и Китай для того, чтобы изгнать оттуда грязных гяуров и привезти ценные товары».

Итак, контекст обоюдной священной войны между христианством и исламом – действительное начало эпохи открытий и колонизации. Ф. Бродель показал, что после 1580 г. торгово-политическая деятельность переместилась из Средиземного моря в Атлантику. Но наследство былых конфликтов и войн не исчезло из памяти людей, сохранивших связь с прошлым при открытии других миров. «В мире ислама память о прежнем величии хорошо сохранилась, поскольку ислам давно использует арабский язык как общий и господствующий язык, гарантирующий вездесущность Корана. Память и знание христианских гяуров разделены почти на двадцать пять языков»⁶. В исламе религия и язык взаимосвязаны и определяют образ мысли и суждения о «чужих», который транслируется через столетия и сохраняется до настоящего времени. Этот сплав определял отношение мусульман к английским колонизаторам в Индии, французским – в Черной Африке, российским – на Кавказе. Например, христиане вторично появились в Александрии в 1798 г., а в Алжире в 1830 г. Примерно в то же время Россия приступила к колонизации мусульманского Кавказа. Но для мусульман христиане по-прежнему оставались презренными гяурами. Они занимались мирным трудом – селились на новом месте и обрабатывали землю, руководили местным населением и колонизировали территории. Но одновременно наносили мусульманам кровную обиду, которая может быть смыта только кровью.

«В «Военных и любовных песнях мусульман» повествуется: «Мы унижали царей, которые были сильнее нас. // Она падали на колени перед нашими шашками и пиками, // А их женщины становились нашими коврами. // Копыта наших коней потрясли гору Еманах, // Мы ставили шатры в Вотулу и Дамаске, // Изгнав оттуда всех врагов, как вонючих шакалов. // Я помню все, что было вчера, и знаю, что будет завтра». Такие чувства предсказывают жестокость будущих событий», – констатирует Ферро⁷.

Второй путь – открытие обоих Америк – тоже связан с окружением мусульман и священной войной. На первый взгляд, записки Х. Колумба свидетельствуют, что в первом путешествии он занимался только поиском золота. Но Колумб рассчитывал не только на обогащение себя и команды, а хотел также обогатить заказчиков – монархов Испании, чтобы «они поняли ценность всего дела». Колумб стремился к богатству ради славы первооткрывателя. Но его страсть к деньгам объясняется религиозным мотивом распространения христианства. Возврат Иерусалима христианам – одна из целей Колумба, вдохновленного идеей крестового похода.

Та же идея освящала третий путь в Индию через внутреннюю Африку, в наличии которого сомневались. Этот путь предполагал заключение перемирия с Эфиопией для атаки с тыла на империю Мауриев. Королева Елена стремилась разорвать «цепь ислама», контролировавшего выходы Испании к Красному морю и Индийскому океану. Политическая тревога королевы переплелась с религиозными стремлениями коптского митрополита, который хотел сблизиться с Римом, но зависел от арабов. Было принято решение о посольстве Матфея, митрополита Эфиопского, который должен был добраться до Лиссабона из Эфиопии через Индию. Там он повстречался с Альбукирком, который этот проект поддержал, но усомнился в возможности постоянных сношений индийского негуса с португальским королем. Описание тайного путешествия Матфея свидетельствует о страхе коптского иерарха перед всепроникающей агентурой арабов⁸. Под видом купца Матфей прошел через разные страны, коро-

⁶ Цит по: Ferro M. Op. cit., s. 16.

⁷ Ibid., s. 17.

⁸ «Королева Елена дала Матфею и его товарищу Иакову рекомендательные письма к губернатору приморской провинции, в которых предлагала оказать им полное (но тайное) содействие в выдаче их за купцов, кото-

левства и государства заклятых врагов Лузитании. Эта маска позволила ему уцелеть, добраться до Португалии и выполнить задачи ловкого посла. Никаких других способов реализации этой задачи в то время не существовало.

Четвертый путь возник на севере в начале XV в. Прежде русские сопровождали (в качестве проводников и охраны) монгольские караваны в Пекин, открывая богатства Китая и Индии на обратном пути через Самарканд. Информация о них достигла Твери, из которой Афанасий Никитин совершил в 1466 г. первое путешествие в Индию. На этом пути Астрахань, Бухара, Хива были перевалочной базой товаров Китая и Индии и товаров России и стран Балтии. Зотов спустя некоторое время писал московскому князю, что указанные «...города для нас крайне выгодны, поскольку в них сосредоточены богатства Индии и Китая». Этот путь вначале не имел ничего общего с крестовыми походами. Затем положение вещей изменилось. В эпоху империализма русские цари колонизировали Дальний Восток во имя православия.

Религиозный энтузиазм, страсть приключений, жадность и стремление обогатиться, реванш завоевателей – таковы предпосылки великих открытий и колонизации. Они обусловили великие события XV-XVI вв. и повлияли на сознательное и бессознательное поведение индивидов. Однако более существенные предпосылки предрешили действия одних и бездействие других индивидов. В частности, социальной причиной колонизации был упадок европейских землевладельцев-феодалов.

Конфликты XIV-XV вв. (Столетняя война) изменили направление великих торговых путей. Вместо сухопутной дороги из Фландрии в Италию купцы начали пользоваться морским путем из Генуи через Барселону и Лиссабон в Брюгге, Антверпен и Амстердам. Это изменило стратегический пункт торговли и обогатило порты Атлантического побережья (прежде всего Лиссабон, «нация» которой поселилась в Брюгге в XIV в.). В Лиссабоне происходила встреча купцов северных стран и Италии (преимущественно генуэзцев). Они хотели торговать с Востоком, но не располагали средствами организации «большого бизнеса». К тому же торговля с Востоком означала риск попасть в венецианскую тюрьму или в турецкий плен.

Главные капиталы находились на Иберийском полуострове. Северный путь на Восток проходил через леса и использовался мало. Южные контакты с миром ислама были оживленными, несмотря на войны. Навигация до Марокко большого труда не представляла. Кастилия и Португалия набирали силу тогда, когда Франция, Бургундия и Священная Римская империя постоянно воевали между собой. Младшие сыновья португальского и кастильского дворянства занялись торговлей из-за отсутствия земли и стали купцами во избежание деклассирования.

Это явление сыграло важную роль, наряду с научно-техническими, экономическими и религиозными предпосылками. Польский историк М. Маковист поставил проблему параллелизма между португальской заморской колонизацией, французскими войнами в Италии и территориальной экспансией немцев, поляков и русских на север и восток. Все указанные явления вытекали из одной причины – потребности возрождения феодалов после упадка в предшествующих войнах. Связь феодалов с купечеством первоначально возникла в Испании и Португалии. В Голландии, Англии и Франции она формировалась по мере стабилизации политических институтов после революций. Следовательно, причина голландской, английской, французской экспансий отличается от португальской, испанской, германской, польской и русской колонизаций. При этом значительную роль сыграл демографический рост. При-

рые путешествуют в своих интересах. Некоторое время Матфей действовал свободно, никому не сообщая о своих намерениях, делах и предполагаемых путях. Он выдавал себя за торговца кожей, время от времени покупал индийские драгоценности и тайно переправлял их Елене». Ibid., s. 18.

рост населения Кастилии в XV-XVI вв. облегчил миграцию, подобно тому, как это имело место в Польше и России. Голландские победы над португальцами в XVII в. объясняются изытком населения в Голландии, которая мобилизовала своих граждан и часть немецкой популяции.

Колониальная экспансия и империализм: проблема подобия. Португальская монархия снаряжала заморские и кругосветные путешествия со времени Иоанна II. Они пришли в противоречие с политикой Реконквисты и крестовых походов, трагическим финалом которой стала битва при Альказарквивире и первое поражение Португалии. В фильме «Нет, или тщеславие королей» Мануэль де Оливейра показал связь между крахом португальских попыток объединить Иберийский полуостров и захватить Марокко – и размахом кругосветных плаваний и заморских путешествий, которые заняли место традиционных целей власти, продолжая дело евангелизации и территориальные захваты за океаном. Великие открытия позволили Португалии избежать войны с маврами. Второе поражение Португалия потерпела в битве при Лепанто, после чего Испания захватила Португалию в целях объединения Пиренейского полуострова.

Терапия *забытья* этих событий продолжалась несколько столетий и детально изучена: «Развитие торговли, евангелизация, колонизация и порабощение народов выполняли компенсаторную функцию. Этот процесс длился до тех пор, пока из исторического сознания Запада не исчезла память о войне с исламом как главной причине великих географических открытий. В XVIII в. только аббат Рейналь подчеркивал ее значение. Желание забытья стерло все следы»⁹. Однако конкретно-исторический анализ убеждает, что на первом плане колонизации находился Христос, а не золото.

Мотив забытья нетрудно обнаружить во Франции эпохи империализма. III Республика начала проводить имперскую политику для того, чтобы забыть поражение под Седаном, банкротство европейской политики II Империи, потерю Эльзаса и Лотарингии. Ж. Ферри – инициатор имперских захватов в Индокитае и Тунисе. Специфика этой политики хорошо отражена в дарственной надписи Гансе на рисунке, преподнесенном Ж. Ферри: «Я потерял двух детей, а мсье подарил мне двух слуг».

Аналогичное компенсаторное действие характерно и для истории Российской империи XIX в. Русские цари дважды терпели поражения в навязывании своей воли Европе. Для компенсации Россия навязала господство народам Кавказа, Средней Азии и Дальнего Востока. Первый этап экспансии начался после Крымской войны и завершился «покорением» Кавказа, Ташкента (1865 г.), Самарканда (1868 г.), Хивы и Коканда (1876 г.), областей при Амуре и Уссури. Вторым этапом было заключение союза с Австро-Венгерской империей (1897 г.), который завершил очередную фазу Балканского конфликта. Чтобы компенсировать замедление экспансии панславизма, царь сдвинул центр интересов России в сторону Дальнего Востока и Тихого океана. Россия не считала интервенцию в Китае и конфликт с Японией войнами, а рассматривала их как колониальные экспедиции.

Важное свойство империализма – волчий голод территорий, наиболее явным выражением которого был раздел Африки в 1885-1890 гг. между Францией, Германией, Англией, Португалией и Бельгией. Все они стремились закрепить за собой на карте как можно больший участок. Предполагалось, что таким образом предотвращаются происки соперников, которые всегда могут стать непосредственными врагами. Однако аналогичное поведение возникло задолго до империализма¹⁰. Иначе говоря, первая французская колония захвачена превентивно, наряду с реализацией других целей – открытие прохода на запад через Ти-

⁹ Ibid., s. 20

¹⁰ Например, после захвата Канады Самуэль де Чемплен писал в 1615 г. в рапорте королю: «Если мы не займем эту территорию, это сделают англичане или голландцы (то-есть, протестанты), которые займут Квебек».

хий океан к Японии, заселение и возделывание новой земли, обращение индейцев в христианство.

Превентивный захват «бесхозных территорий» в колониальную и империалистическую эпоху оправдывался и критиковался посредством аналогичных аргументов. Ж.Ж. Руссо осуждал фиктивное занятие территорий: «Чтобы обосновать право первообладателя, надо, чтобы он овладел ею не посредством пустой церемонии, а путем труда и культивирования»¹¹. А Соединенные Штаты аннексировали Луизиану на том основании, что ее расположение в устье реки дает право на всю долину. Ж.К. Адамс выдвинул доктрину «непрерывного освоения»: захват побережья автоматически влечет за собой собственность на прилегающие территории – земли в глубине страны. Аналогичную тактику применяла Россия при захвате Кавказа. Эта доктрина закреплена в современном политическом словаре в термине «сфера влияния». Впервые эта формула появилась в британско-германском договоре 1885 г., с помощью которой легализовалось древнее право на «непрерывное освоение» и «прилегающую территорию».

Итак, смена направления, альтернативная политика и страсть к захватам – разные фазы экспансии. Эпоха открытий аналогична эпохе империализма на основании подобия этапов экспансии. В XIX в. открытия пионеров (типа Стэнли, Пржевальского, Тянь-Шаньского и др.) предшествовали захвату конкретных территорий правительствами отдельных стран. То же самое происходило в XV-XVII вв. Монархи поддерживали Колумба, Магеллана и других пионеров. Традиционная историография восхваляла свершения коронованных особ и не замечала предшествующих действий пионеров. Однако путешествия одиночек и территориальная экспансия государств тоже аналогичны. Те и другие были следствием воображения – визионерских проектов поиска восточного и западного пути в Индию. Они воплощали волю и энергию людей с помощью новых технических средств. Но суть данных проектов была одна – аккумулятивный итог множества корыстных стремлений купцов и авантюристов (типа Фернао Гомеса, Евстафия де ла Фоссе и др.)¹². Следовательно, двухэтапная экспансия XVI и XIX веков аналогичны.

Рынок или государство? Империализм воспроизвел установки эпохи великих колониальных захватов. Но после 1870 г. возникло общее убеждение в начале новой эры. М. Ферро анализирует ее типичные свойства.

На протяжении предшествующих ста лет экспансия стала дискретной и заканчивалась успехом или поражением. Рост колоний европейских стран теперь зависел от удачного стечения обстоятельств и не был следствием политической воли. Прежние и новые колонии (Сибирь, Кавказ, Алжир, Австралия, Новая Каледония) заселялись бунтовщиками, уголовными и политическими преступниками. Это понизило их ценность в общественном мнении. То же самое относится к первым португальским колониям.

Изменение отношения к колониям произошло после обретения специфической идентичности недавно захваченных территорий. Например, французский военно-морской флот захватил Кохинхин для победы над Англией и обретения удобной базы в западной части Тихого Океана. Спустя некоторое время так же был взят Алжир. После «героических» боев с Абдель-Кадером французская армия начала идентифицироваться с Алжиром: «Едва часть ар-

¹¹ Руссо Ж.-Ж.

¹² Например, португальская корона поддержала проект Диого Као проникновения во внутреннюю Африку и ее обхода с юга только после того, как португальские матросы узнали (случайно попав в Бенин), что через эту страну можно пройти в полумифическое христианское царство царя Иоанна. У Колумба тоже были предшественники: Фернао Дульмо получил от короля привилегию на все земли, которые он откроет западнее Канарских и Азорских островов – распутья всех первооткрывателей и завоевателей. Но его попытка не увенчалась успехом.

мии «колонируется», происходит милитаризация колониальной идеи среди части общественного мнения». Колониальные идеалы и миссионерское призвание переплелись уже в XVI-XVII вв., но в начале XIX в. носителем такого переплетения стала армия. Лишь после милитаризации колониальной идеи христианизация начала отождествляться с цивилизаторской миссией Европы, поскольку никакой другой цивилизации (кроме христианской) Европа не знала¹³. Цивилизация, колонизация, культуртрегерство и территориальная экспансия – главные движущие силы империализма: «В этом контексте колонизацию можно определить как орган полового размножения нации в мире»¹⁴.

Существуют определения, согласно которым империализм есть «последний шанс величия» (Превост-Парадолль) и «творческая сила» (Леруа-Булье). Действительно, империализм начал систематически использовать идеологические источники в той мере, в которой они поддерживались материальными интересами, и в конечном счете привели к новому определению колониальной политики. Его сформулировал Ж. Ферри в период захвата Тонкина: «Колониальная политика – дочь промышленной политики. Экспорт есть основной фактор всеобщего благосостояния богатых стран. Если существует нечто вроде международного разделения труда по способностям индустриальных обществ, то Европа не должна продавать свою продукцию за границей. Однако все желают заниматься ткачеством, производством металла, дистилляцией спирта, выработкой сахара и экспортом этих товаров». По мере появления новых индустриальных стран (США, России, Германии) желание преобразовалось в «необходимость» и стало основанием заморской экспансии.

Новый аргумент «за империализм» Ферри дополнил двумя давно известными:

1. Гуманитарные соображения накладывают на «высшие расы» обязанности в отношении «низших рас», которые еще не стали на путь прогресса.

2. Стихийно-националистический аргумент звучал так: «Если Франция от этого устранилась, а Испания или Германия займут наше место, то политика «сиденья на печи» приведет к стагнации и упадку страны. Излучать сияние и ничего не делать – значит отречься от власти».

Правда, Великобритания столкнулась с этими проблемами намного раньше Франции. Победа Англии в Семилетней войне – первый поворотный пункт на пути изменения колониальных отношений. До этого Британия была небольшой единообразной исконно английской протестантской торговой страной. Но в итоге мирных договоров 1763 г. она получила Квебек, Флориду, Тобаго (католические территории) и другие заморские территории. Так Британия стала владыкой громадной империи, крайне неоднородной с точки зрения ресурсов и религии. До этого расходы на внутренние дела были незначительны и не влияли на способ управления Англии. Территориальные приобретения повлекли за собой неожиданную статью расходов на содержание армии и военно-морских сил. Эти расходы противоречили принципам английских свобод, поскольку Англия стала господином враждебных народов. Поэтому Берк не зря беспокоился. И далеко не случаен тот факт, что Гиббон написал труд о падении Римской империи почти на следующий день после заключения Парижского трактата.

И все же главное поражение Англии определялось другой причиной. Независимость Америки расколола английскую нацию на два враждебных лагеря: одна часть англичан стала врагом другой части в Англии и Америке. Затем произошел раскол общественного мнения.

¹³ «Например, епископ Мише, папский викарий Сайгона, осуждал бунтовщиков, которые надолго задержали обращение в христианскую веру. Алжирский епископ Лавижери объяснял свое назначение следующим образом: «Я прибыл сюда, чтобы внести вклад в великое дело христианской цивилизации, которая приведет к рождению новой Франции из тьмы и хаоса вечного варварства». Ibid., s. 23

¹⁴ Ibid., s. 23

Возникла ситуация гражданской войны. Поэтому лояльность Шотландии компенсировала поражение Англии в войне с Северной Америкой. Пионеры-полководцы (Гастингс, Гордон и др.) были шотландцами и сыграли роль завоевателей, усмирителей и карателей на остальном пространстве Империи. Английские колонии стали Британской империей с помощью солдатни. Широко распространился имперский реваншистский патриотизм как реакция на либерализм прошлой эпохи. Индийский Акт (1784 г.), Канадский Акт (1791 г.), Акт союза с Ирландией (1800 г.) воплотили политику манипуляции и господства – еще одно типичное свойство империализма.

Следующее свойство одновременно противостоит и соответствует предыдущему. Речь идет о преобразования экономических отношений с остальным миром после потери Америки и превращения Англии в промышленно развитую страну. Теперь Англия нуждалась в рынках и сырье, а не в монополии внешней торговли (в соответствии с принципами меркантилизма, позволившего накопить громадные денежные запасы). Англии потребовалась другая Америка (ею стала Австралия), другая Индия (на эту роль предполагался Китай) и другая Африка (в отличие от Африки, экспортирующей рабов в Северную Америку). Не случайно спустя непродолжительное время (1797 г.) Великобритания направила в Пекин первое большое посольство во главе с Маккартвеем, создала Африканскую ассоциацию (которая предложила М. Парку исследовать Центральную Африку до истоков Нигера)¹⁵, организовала Северо-Западную Кампанию на севере Канады и послала Д. Кука в Австралию. Взрыв имперской активности произошел после длительного периода военных конфликтов и предвосхитил возрождение прежней колонизации, которая теперь получила имя «империалистической». А по сути дела нужды индустриализации и рынка становились конкурентами власти, которая постепенно возвышалась над всеми остальными факторами.

Хотя стремление Англии владеть миром восходит в начале XIX в., М. Ферро считает его пользу крайне сомнительной. В 1919 г. И. Шумпетер подвел итог развития британского империализма в XIX столетии и показал, что империализм возникает тогда, когда государство проявляет силовую экспансию за пределы любых границ. В результате военная активность превращается в самоцель – становится средством достижения цели, которая содержится в самой военной активности (такое действие М. Вебер назвал «инструментальной рациональностью»). Для доказательства этого вывода Шумпетер приводил деятельность Дизраэли, который получил прозвище «певца и идола имперской экспансии» после речи 1872 г. До этого он говорил о «проклятых колониях, которые висят у нас на шее, подобно мельничному жернову». А теперь потребовал создать Британский Союз путем преобразования колоний в самостоятельные государства на правах частей империи. Вся эта махина затем создает таможенный союз как имперскую федерацию. Но неосвоенные земли принадлежат только англичанам, а центральная контора в Лондоне управляет их колонизацией.

Примечательно, что в речи Дизраэли термин «защита родины» впервые отождествлялся с защитой империи для обоснования фактической территориальной экспансии Англии. Имперский лозунг обнаружил эффективность, отвлекая внимание граждан от повседневных нужд. Консерваторы уже не могли удовлетворять эти нужды, поскольку не обладали политической программой. Популярность имперских лозунгов объясняется тем, что они удовлетворяли своекорыстные множества групп интересов. Например, защитный таможенный тариф был полезен для промышленников, которым угрожала демпинговая политика германских экспортеров. Эти лозунги были популярны даже среди бедняков, потакая их национальному самолюбию и гордости.

¹⁵ «М. Парк разъяснял, что получит гонорар (15 шиллингов в день) только при условии открытия нового знания о географии Африки и новых источников богатства ради торгово-промышленных амбиций своих мандатариев». Ibid., s. 24.

Так возникла кардинальная дихотомия: в начале XIX в. английское общественное мнение отрицательно оценивало колониальную экспансию (отождествляя ее с работоторговлей и поражением Англии в войне с Соединенными Штатами) и положительно – империализм (поскольку имперские лозунги льстили населению и защищали интересы Англии). Но теперь «защита родины» осуществлялась в войнах с «грабителями» и «бандитами» Индии и Южной Африки. Во время англо-бурской войны «все английские нищие осуждали взбунтовавшихся подданных». Таким же было общественное мнение Франции в начале XX в., когда «свиньи-марокканцы атаковали алжирских колонистов».

Аналогичная ситуация сложилась в России, на рубежах Кавказа и Средней Азии. В 1864 г. канцлер князь Горчаков следующим образом реагировал на аргументы англо-французских империалистов: «Положение России не отличается от положения всех цивилизованных государств, которые вынуждены вступать в контакт с кочевниками, не обладающими стабильной государственной организацией. Для предотвращения набегов и грабежа кочевников следует подчинить и строго контролировать. Однако за ними располагаются другие дикари, и потому нужно идти дальше. Именно так поступали Франция в Африке, Соединенные Штаты в Америке, Англия в Индии. Они идут вперед по необходимости и вследствие амбиций»¹⁶.

Итак, колониальные державы «защищают родину» по рецепту Дизраэли.

История Великобритании показывает тождество имперской символики господства с материальными интересами. Например, в 1815-1863 гг. Ионические острова находились под протекторатом Британии, хотя в Лондоне это считалось пустым занятием по причине невозможности такой защиты. В том же ряду событий находится военная экспедиция М. Тетчер по защите Фолклендов. Одновременно потеря всей Индии, Караибов и Черной Африки (в 1947-1962 гг.) не обеспокоила Англию. Не менее абсурдная ситуация сложилась в России в последнее десятилетие. Абсолютное большинство населения равнодушно восприняло распад империи в 1990-1991 гг., но мобилизовалось для защиты Курильских островов и Чечни.

Поддержка военно-завоевательной экспансии – следующее свойство империализма. Этим занималась многотиражная пресса как продукт промышленного развития XIX в. В качестве примеров можно указать позиции газет «Daily Mail» в Великобритании, «Tagliche Rundschau» в Германии, «Le Petit Parisien» и «Le Matin» во Франции, «Новое время» в России. Редакторы и сотрудники этих газет начали претендовать на роль имперских идеологов. Следовательно, империализм есть социальный феномен, скрыто осуществляющий некоторые действия (например, экспедиции Ж.Ферри в Индокитай). Экспансия прошлых столетий не была социальной в такой же степени.

Экономический интерес – основа и движущая сила империализма. Этот феномен описан в книгах Д. Гобсона «Исследование империализма» (1902 г.) и Р.Гильфердинга «Финансовый капитал» (1910). Спустя некоторое время их идеи популяризировал Ленин популяризировал в брошюре «Империализм как высшая стадия капитализма» (1916 г.), которая переведена на немецкий и английский языки в 1920 г. Но есть существенное различие между взглядами Гобсона и Ленина. Первый трактовал империализм как «развитие высокоорганизованной промышленности и финансов в целях самосохранения и развития частных рынков путем нанесения вреда населению, но с использованием силы государства для перекачки и инвестирования в него собственного перепроизводства товаров и сверхприбылей». Гобсон считал империализм возвратом к меркантилизму, поскольку его движущей силой было накопление национального капитала для конкуренции с другими государствами. Ленин определял империализм как последнюю стадию развития капитализма и монополий в полемике с

¹⁶ Ibid., s. 25

Каутским, который отрицал неизбежность войн между империалистическими странами на этой стадии. Ленин считал их неизбежными.

Главный тезис Ленина - множество форм империализма и определение его как следствия различных фаз исторического развития. Империализм возник до капитализма (Римская империя) и существовал в период его развития (Османская, Австро-Венгерская, Российская и другие империи). Национальные конфликты – элемент общей борьбы с империализмом. Поэтому борьба прибалтов с русскими и борьба ирландцев и индусов с англичанами аналогичны. Ленин считал, что первая мировая война ликвидировала различие колониальной экспансии и империализма.

Однако сохранялось другое важное различие – империализм на рубеже XIX-XX вв. переплелся с финансовым капиталом и потому отличался от колониальной экспансии прошлых эпох. Колонизация и экспансия не исчерпывают империализм, хотя по-прежнему существуют. Суть дела в том, что в XIX – начале XX вв. империализм посредством финансового капитала начал проникать в независимые страны – Китайскую, Османскую и Российскую империи. Колонизация приобретала разные формы в разные исторические эпохи, которые взаимно отличались и переплетались. Исток и движущая сила экспансии – господство над другими народами, независимо от провозглашаемых лозунгов.

Империализм стал религиозным во времена священных войн между исламом и христианством и религиозным вдвойне в XVI-XVII вв., когда католики и протестанты стремились обеспечить экспансию своей веры. Политический расчет в виде *raison d'état* (государственного разума, преобразованного в современное понятие «государственных интересов») ¹⁷ связан со всеми видами крестовых походов. Франц-Иосиф I первым продемонстрировал независимость от религии, подписав капитуляцию с турками для победы над Карлом V. А в Тридцатилетней войне кардинал Ришелье заключил союз с протестантской Швецией против Священной Римской империи.

Экономический интерес существовал задолго до имперской эпохи и открыто проявился в «Актах навигации» (1651 г.), в которых заморская экспансия признавалась монополией всей английской нации, а не только купечества. Данные «Акты» – главный исток империализма, поскольку он впервые выступал от имени всей нации, бытие которой было воплощено в национальном государстве. Боден и Кольбер – первые теоретики и практики меркантилизма. Задолго до империализма меркантилизм связал европейские государства с захватом заморских территорий для обеспечения монополии обмена и максимума доходов в золоте и серебре. Меркантилисты полностью запретили производство в колониях (вплоть до гвоздей). Тем самым они стимулировали восстания колонистов в Соединенных Штатах и испанской Америке, положивших конец колониальной зависимости от Англии и Испании. Меркантилизм приводил колонизированные народы к полному краху, но он сохранялся и развивался в период промышленной революции с помощью государственного насилия. Наиболее яркий пример – реформы Петра I в России. М. Ферро считает, что именно так надо понимать ленинское определение империализма как высшей стадии капитализма.

Британская колонизация соединила разные факторы и обеспечила успех социальной группы землевладельцев. Эта группа связала доходы от земли и шахт с финансово-торговой деятельностью и стала претендовать на мировое господство. Однако промышленный и банковский капиталы длительное время кардинально различались между собой. Промышленность развивалась «сбоку-припеку» и вопреки государству до кризиса 1929 г. Только после этого имперский выбор стал глобальной *Realpolitik*. Крупные финансисты – инициаторы имперской политики. Например, в 1882 г. они впервые снарядили и послали в Египет воен-

¹⁷ См. об этом подробнее: Хиршман А. Рыночное общество: противоположные точки зрения // Социс. – 2001. – № 3.

ную экспедицию не для аннексии территории и завоевания рынка сбыта, а для «острастки» руководителей Египта за отказ от уплаты долга. Это создало прецедент. В соответствии с интересами Сита вспыхнула война в Южной Африке. Англичане выступили против буров, поскольку те хотели помочь немцам освоить запасы золота во времена, когда золотой стандарт обеспечивал преимущество фунта стерлингов на мировом рынке.

Сравнение следствий. Кардинальное различие следствий колониальной экспансии XVI-XVIII вв. и империализма состоит в следующем: промышленная революция создала такие средства деятельности, которые полностью преобразовали отношения метрополий с колониями. Первая разновидность колониальной экспансии аналогична прежним колонизациям (римской, арабской, турецкой и русской), поскольку экономические и военно-технические различия между колонизаторами и колонизованными оставались незначительными. Различие уровней жизни в Европе и ее колониях в начале эпохи империализма равнялось 1,5:1. Положение колоний резко ухудшилось в итоге промышленной революции. Различие уровней жизни возросло от 1,9:1 (1860 г.) до 3,4 (1914 г.) и 5,2 (1950 г.) и по-прежнему растет после завершения колониальной эпохи.

Рост различий – следствие структурных изменений под влиянием колонизации и соотношения сил. До XVIII в. потребление «колониальных товаров» составляло всего 2-10% общего потребления Европы. Вне испанской Америки первая колонизация не затронула социальные структуры колоний, поскольку ее основания еще не сложились. Англия в Индии продавала свои товары аборигенам, арабам и португальцам. Преимущество последних выразилось в торговле современным оружием. Вторая колонизация базировалась на экономическом империализме и привела к глубоким структурным изменениям колониальных обществ. Главные из них – деиндустриализация колоний и специализация сельского хозяйства на выращивании непищевых технических растений.

Показательный пример первого изменения – производство тканей в Индии. В XVII в. хлопковая ткань составляла 60-70% индийского экспорта. После индустриализации Англии появились машины, производительность которых в 350 раз превышала производительность индусского рабочего. Англия начала продавать свои ткани в Индии – и легкая промышленность Индии рухнула на протяжении менее ста лет. Деиндустриализация затронула большинство колоний, способствуя крайней специализации промышленности и воплощая изменения, которые империализм навязал древним и новым колониям.

Черная Африка – яркий пример другого изменения. Колонизация обусловила противоречие натурального хозяйства (традиционного базиса африканских обществ) и рыночной экономики. Например, колониальная администрация навязала племени агни (Берег Слоновой Кости) производство какао. Племя начало сопротивляться – каждую ночь под саженцы какаовых деревьев лили кипяток. Лишь спустя длительное время аборигены убедились, что продажа какао дает деньги, которые можно расходовать на другие цели. Европейцы считали это племя ленивым и неспособным к труду. На деле у агни существовала сложная система этикета, которая запрещала (особенно высшим классам) работать публично, но не мешала проявлять скрытую активность. А колонизаторы трактовали неспособность к прогрессу как форму культурного сопротивления¹⁸.

¹⁸ Например, обмен быками обладал особым смыслом в племенах *масикоро*, *бара* и *фуланов* (Мадагаскар). Крупный рогатый скот воплощал социальные ценности и престиж владельцев, а не элемент денежного хозяйства. Продажа быков свидетельствовала о полном крахе семьи. Племя *бете* исключало приданое из денежного хозяйства. По этой же причине производство хлопка не прижилось в племенах *фуланов* и *бамбара*, зато было усвоено племенами *миньянка* и *сенуфо*. Первые уже были историческими нациями, структуры которых уничтожила цивилизация. Вторые еще не осознали свою идентичность и потому были готовы изменить образ жизни. Племя *сенуфо* выращивало земляные клубни на возгорьях с помощью мотыги, а затем перешло к обработке низин с применением плуга, запряженного волами. Экономия рабочей силы была очевидной. Но в низинах росли

В любом случае в колониальных обществах технические заимствования у Запада были и остаются предметом конфликта между прогрессом и традицией.

Между колонизацией и неокOLONиализмом. На основании проведенного анализа М. Ферро считает, что колонизация вместе с последствиями сводится к следующим типам, которые сохранились после деколонизации и существуют в настоящее время.

1. Экспансионистская колонизация древнего типа на стадии развития капитализма свободного рынка. Захват Кавказа Россией и Алжира Францией – последние примеры этого типа.

2. Колонизация нового типа связана с промышленной революцией и финансовым капиталом. Она характеризует большинство территориальных захватов Франции (Марокко), Великобритании и Германии в Восточной и Южной Африке, России в Средней Азии и т.д. после 1871 г., если даже их основанием служили другие причины.

3. Империализм без колонизации. В Османской империи этот тип был промежуточным (об этом свидетельствует пример Египта в 1881 г.), а в чистой форме (без колонистов) применялся в Латинской Америке. Например, Сити правило в Аргентине и Перу, прежде чем уступить их США. Этот империализм без флага устоял в борьбе колоний за независимость во второй половине XX в. и существует в настоящее время.

Итак, следует исходить из *взаимопереплетения* форм империализма, колонизации и деколонизации - обретении независимости и освобождении колониальных народов. Большинство колониальных стран обрело независимость в 1965-1985 гг. Колонизация в узком смысле слова завершилась поражением Франции во Вьетнаме и Алжире, Англии и Голландии в Индии и Индонезии, но страны Запада по-прежнему доминируют в разных регионах мира. Этот феномен называется неокOLONиализмом – империализмом без колонистов.

Однако такой империализм существовал задолго до потери Европой своих заморских владений. США первыми начали создавать колонии без флагов в Латинской Америке, при необходимости посылая туда военно-морские силы (в 1915 г. на Гаити). Политика США в западном полушарии аналогична конъюнктурной политике Франции в Африке после 1965 г. В итоге вся деколонизация свелась к замене верховной власти при неизменности сложившихся экономических и социальных связей. Они усилили прежнюю зависимость в иной форме для обоюдного своекорыстия метрополии и новой местной «буржуазии». Деколонизация увеличила миграцию населения и еще более укрепила прежние отношения. Теперь французские фирмы хозяйничают в Алжире, а алжирские рабочие-иммигранты едут во Францию. Аналогичные миграции сложились между Англией, Караибскими островами и Индией, Германией и Турцией и т.д. Та же ситуация складывается в современном СНГ и России.

В 1960-е гг. началась унификация мировой экономики. Она настолько связала национальные экономики, что сегодня большинство бывших колоний находятся в еще большей зависимости и нищете, чем при колонизаторах. Одновременно прежние метрополии «поумнели», открыв для себя истину: либеральные догмы, на которые они ранее опирались для обоснования своего господства, теперь обратились против них и удовлетворяют своекорыстие новых финансово-промышленных акул (Япония) и прежних колоний (Тайвань, Сингапур, Корея). Но колонизация не сводится к следствиям экономического и технического господства. Эффект бумеранга воплощается в новых формах: рост роли нефти в мировой экономике; рост расизма на основе межцивилизационных контактов.

Цивилизация и расизм. «Я верю в белую расу», – говорил в 1895 г. Д.Х. Чемберлен, исполняя имперский гимн во славу английской нации, которая превзошла в успехах французских, испанских и прочих конкурентов. Англичане несли мастерство и науку

«подчиненным» нациям. «Бремя белого человека» – это мировая цивилизация, направление которой определяют англичане. Такое убеждение и задача детерминируют отношение к другим нациям как представителям низшей культуры. Англичане – «авангард» белой расы – должны воспитывать и формировать эти нации, одновременно соблюдая дистанцию по отношению к ним. Французы тоже считали аборигенов «несмышленными детьми» и ставили их ниже себя. Но республиканские убеждения французов предполагали публичное провозглашение совсем иных взглядов, не имеющих ничего общего с реальными действиями.

Однако главный пункт *тождества* англичан, французов, русских и других колонизаторов – чувство принадлежности к Европе. Это чувство лежит в основании предрассудка: только в Европе есть наука и техника, усвоение которых позволит цивилизоваться подчиненным нациям. Западная историография и право кодифицировали понятие цивилизации, включая связь с христианством. Г. Уайтон, Л. Оппенгейм и де Мальтер (американец, англичанин и русский) определяли «основы права», подписывая фактически неравные договоры с Китаем, Сиамом, Абиссинией и Османской империей.

Итак, понятие и система ценностей цивилизации выполняют строго определенную экономическую и политическую функцию. США, Англия и Россия не только устанавливали законы и права, образующие понятие цивилизации и гарантирующие преимущество европейцев. Защита таких законов и прав приобретала моральное оправдание и стала принципом социально-политического бытия завоевателей. Все, кто был неспособен адаптироваться к данным законам и правам, превращались в «преступников» и подвергались наказанию. А по сути дела имперский лозунг «защиты родины» пронизал сферу права, морали и цивилизации.

Например, англичане называли «преступными племенами» целые социальные группы в Индии. Это оправдывало интервенцию для последующей замены традиционных обычаев и обычного права колониальным законодательством. В число «бандитов» попадали мужчины и женщины, которые ни в малейшей мере не нарушали норм своих социальных групп. Уголовные законодательства 1871 г. и 1911 г. – поворотный пункт процесса, который привел к уголовному наказанию сати (самоубийства вдов), элиминации тугов и других «бандитов с большой дороги». Этот термин смешал касту с племенем и поставил вне закона целые группы (куравары определялись как «наследственные воры»). Не составляет труда увидеть расизм в таком методе репрессии.

В XIX в. многие увлеклись идеями Дарвина. Маркс рассматривал борьбу классов как человеческую версию дарвиновской борьбы видов. Колонизации – это третий столп сциентистского предрассудка: доброта белого человека состоит в воспитании и образовании низших видов, если только они люди. Но к людям относились далеко не все аборигены. Например, бушмены (аборигены Австралии) не удостоились такого звания и подлежали полному уничтожению.

Сила имперских убеждений определяется союзом глашатаев разума и прогресса (верующих в историческую необходимость и логику социального развития) с людьми, которые поставили инстинкт на первое место, а действие считали главным мотивом жизни. Первое течение разработано Оксфордским неоидеализмом: вселенная понималась как организм, который приводится в движение человеческой моральной силой и волей. Поэтому Британская империя считалась высшим этапом развития общества. Главный пропагандист таких взглядов С. Уилкинсон писал: «Империя должна занимать в сердцах подданных главное место, которое не сводится к убеждениям: сила выше права (таково кредо деспотизма) или право выше силы (распространенная ошибка юристов). Это место определяется убеждением: вселенная есть проявление разумного порядка, неотъемлемого от порядка человеческой мыс-

ли». Эта идея повлияла на Милнера, Тойнби и Хайдане в Англии, последователей Ранке в Германии и историков «государственной школы» в России.

Английские историки считали Британскую империю квинтэссенцией всей предшествующей истории и развивали модель исторического развития, одновременно тождественную и противоположную марксизму. Марксисты полагали рабство, феодализм и капитализм стадиями, предшествующими социализму. Английские идеологи империи (Д. Кромб и Д. Сили) выделяли другие этапы исторического развития: город-государство, феодальное государство, классовое государство, национальное демократическое государство. Тем самым британское государство становилось итогом всей предшествующей истории, в котором реализованы идеалы свободы и толерантности эпохи Реформации.

С таким ходом мысли переплетена концепция человека как успешно действующего творческого индивида. Речь идет о философии жизни В. Дильтея, О. Шпенглера и М. Шелера. Все они – империалисты, поскольку вслед за Ницше проповедовали социальный дарвинизм, направленный против других народов Европы. Вокруг этого направления мысли сгруппировался ряд ученых, социологов и евгеников, которые развивали идеи Гобине, воспевали сверхчеловека будущего (Гиддинг) и соединили английский неоидеализм с немецким биологизмом. Связующим звеном стал англичанин Х.С. Чемберлен, принявший германское подданство.

Указанные схемы мысли существуют до сегодняшнего дня. М. Ферро полагает, что данная связь идей фиксирует *тождество* британского империализма и германского расизма. В период империализма британские завоеватели-колонизаторы способствовали тому, что территориальная экспансия превратилась в главную цель политики. По мере ее воплощения в жизнь завоеванные и колонизированные народы потеряли все права, которые стали привилегией оккупантов. Затем угнетение «чужих» (территорий за пределами метрополии) преобразовалось в тиранию «своих» (населения метрополии). Берк предвидел такое преобразование, образцом которого стала Ирландия. Британская империя – это современный эквивалент Римской империи, поскольку поведение англичанина в доминионах не отличалось от поведения в метрополии. Там и здесь англичанин был гражданином, господином и властителем, процветая за счет уничтожения обычаев и институтов завоеванных народов.

Французская империя на словах подчеркивала отличие от Британской империи, утверждая всеобщее равенство прав. Но эта идея вызвала противодействие колонистов и других групп интересов (независимо от названия территории департаментом, протекторатом или колонией). И потому французские колонисты не занимались пустяками типа обоснования собственного превосходства над аборигенами.

Дихотомия империализма и нации впервые проявилась тогда, когда главной проблемой политической жизни метрополии стали колонии, а не жизнь населения метрополии. Колонизация решала внутренние проблемы (нищеты, борьбы классов, перенаселения), претендуя на соответствие общим интересам населения метрополии и приоритет над целями всех партий. В колониях администратор и колонист ощущал себя прежде всего французом, англичанином и русским, а не сторонником «левых» или «правых». Определяющий признак колонистов – раса (а не социальная деятельность и функция), выделявшая элиту и оправдывающая угнетение.

М. Ферро подчеркивает: расовые идеи возникли до колонизации и империализма, но не пользовались популярностью. Империализм распространил и воплотил их в жизнь. Они широко применялись и в Европе. Только здесь расистская идеология создала особый тоталитаризм, оправдывающий власть расово чистой «элиты» над другими европейцами.

Промежуточная констатация

Таковы основы концепции французского историка. Он применяет к оценке реального исторического процесса колонизации всех регионов мира следующие постулаты.

Борьба за независимость не тождественна «деколонизации». Реакции народов на колонизацию различны и зависят от их истории и идентичности. Учет мировых параметров феномена колонизации позволяет избежать европоцентричного образа мировой истории. Колонизация переплетена с империализмом – формой господства, которое воплощалось в существовании империй. Колонизация и борьба народов за независимость нередко развивались параллельно. Концепт «деколонизация» – пережиток европоцентризма. Необходимо освободить историю колонизации из гетто традиции.

Концептуальная структура и главные проблемы теории колониализма являются результатом применения указанных постулатов при анализе мировой истории. Итоги анализа можно свести к ряду положений, из которых для развития темы важны следующие пункты.

Морское пространство не является главным критерием отличия территориальной экспансии от колонизации. Следует исходить из взаимосвязи территориальной экспансии и колонизации. Контекст обоюдной священной войны между христианством и исламом – действительное начало эпохи открытий и колонизации. Португальская заморская колонизация, французскими войнами в Италии, территориальной экспансией немцев, поляков и русских на север и восток – параллельные процессы.

Существует подобие между колониальной экспансией и империализмом. Развитие торговли, евангелизация, колонизация и порабощение народов выполняли компенсаторную функцию. Этот процесс длился до тех пор, пока из исторического сознания Запада не исчезла память о войне с исламом как главной причине великих географических открытий.

Смена направления, альтернативная политика и страсть к захватам – разные фазы экспансии. Эпоха открытий аналогична эпохе империализма на основании подобия этапов экспансии. Изменение отношения к колониям произошло после обретения специфической идентичности недавно захваченных территорий. Такая идентичность возникает после отождествления армии с завоеванной территорией. Едва часть армии колонизируется, происходит милитаризация колониальной идеи среди части общественного мнения. Колониальные идеалы и религиозное миссионерство переплелись уже в XVI-XVII вв. В начале XIX в. носителем такого переплетения стала армия. После милитаризации колониальной идеи христианизация начала отождествляться с цивилизаторской миссией Европы. Цивилизация, колонизация, культуртрегерство и территориальная экспансия – главные движущие силы империализма. В этом контексте колонизация была органом размножения наций.

Таким образом, множество свойств империализма ведут к тому, что понятие и система ценностей цивилизации выполняют определенные экономические, политические и идеологические функции. Сила имперских убеждений определяется союзом глашатаев разума и прогресса, которые веруют в историческую необходимость и логику социального развития, с людьми, которые ставят на первое место инстинкт, а действие считают главным мотивом жизни. Одним из показательных примеров является история русской колонизации.

Эталон наднациональной логики

М. Ферро описывает прежде всего специфику русской колонизации до 1917 г. После разгрома «школы Покровского» советская историография отрицала сходство западной и русской колонизации. На деле Новгород и Суздаль в XII в. колонизировали Прикамье для промысла пушнины, действуя совместно с угро-финской мордвой. Сегодня численность мордвы

равна численности эстонцев. Но эстонцы живут компактно и обладают государством. Мордва рассеяна среди нерусских групп бывшей империи (только 25% мордвы проживает в автономной республике вокруг Саранска). М. Ферро считает этот факт показательным примером полной ассимиляции мордвы в рамках русской колонизации и описывает ее другие свойства.

Увеличение массы налогоплательщиков – исходный мотив русской колонизации. Монгольское иго прервало колонизацию. После распада Золотой Орды она обновилась. Падение Казани сокрушило татарское государство. Русские начали расширять экспансию по обе стороны Урала. Экспансия на север по Каме продолжила сложившуюся тенденцию. Восточная сторона Урала называлась «Сибирью» и занимала территорию более миллиона квадратных километров. Но по мере экспансии на восток термин Сибирь *расширился* до Тихого океана. Таков архетип московской топонимической агрессии.

После 1558 г. вектор экспансии определялся инициативой братьев Строгановых. Они получили привилегию на эти края от Ивана Грозного и стали их суверенами, обязываясь защищать территорию от Ногайской и прочих орд. Вначале Строгановы основали и заселили колонистами монастырь Писко на Каме. В 1647 г. в районе насчитывалось 2004 жителя, которые из свободных превратились в данников. Затем пошел в поход атаман Ермак с отрядом в 600 человек. Строганов снарядил его оружием и амуницией. Следуя вверх по реке Утке, Ермак занял Тюмень. В виду приближающегося казаков Ермака хан Кучум сказал: «Ударим по ним без всякого опасения, ибо эти варвары никакой опасности не представляют, а с нами боги». После этого аборигены пошли на битву как на праздник. Ермак приказал стрелять. Подобным образом были подчинены самоеды и остяки, которые платили дань пушниной. Судьба Ермака легла в основу исторической легенды героя-авантюриста, который подарил царю территорию в 6000000 квадратных километров.

Русский путь колонизации – это сокращенный эквивалент португальского пути к Мысу Доброй Надежды. Португальцы окружали османов с юга, русские окружали остатки монгольской империи с севера. Те и другие стремились достичь Дальнего Востока для обогащения. В 1465 г. португальцы пересекли Гвинейский залив. Одновременно русские купцы начали двигаться на восток. В 1466-1472 гг. Афанасий Никитин достиг Индии. Экспансия шла от реки к реке путем постройки крепостей, хотя поначалу цари сомневались в эффективности такого способа овладения территорией. Русские достигли Оби и Иртыша (1585 г.), Енисея (1628 г.), Амура и Колымы (1640 г.), Камчатки (1649 г.). Якутск построен в 1632 г. – раньше Монреалья.

Маньчжурия задержала русский *Drang nach Osten* подписанием Нерчинского трактата (1689 г.). Поглощение восточных территорий *предшествовало* экспансии России на юг и запад (Азов взят в 1701 г., Инфланты в 1710 г.). Этим объясняется крайне болезненное отношение России к пограничным конфликтам с Китаем и Японией, которые тоже занимались колонизацией.

В частности, японская экспансия и колонизация древнее их описания в западной историографии. Согласно европоцентристскому шаблону, появление европейцев (португальцев, испанцев, голландцев и англичан) в Японии знаменует новый этап освоения мира. В памяти Европы 1543 г. считается датой первых морских столкновений с японцами. В середине XVI в. Франц Ксавери начал христианизацию Японии, вследствие чего возникла проблема национальной идентичности страны. По этой причине Япония прервала все контакты с иностранцами на 300 лет. В середине XIX в. Запад опять вторгся в Японию, после чего она модернизировалась и наследовала Запад в такой степени, что сама превратилась в империалистическое государство.

М.Ферро считает: если устранить западничество из истории Японии, то первая японская колонизация параллельна стремлениям Запада и России в XVI в. колонизировать Дальний Восток. В это время Япония освободилась от китайского ига и начала создавать свою колониальную систему. Вначале она возникла на севере – уже в XIII в. сегун начал контакты с айнами островов Езо и Хоккайдо. Айны подчинялись своим племенным вождям, обладали самобытной культурой и эпосом. В XIV-XV вв. японцы северного Хондо расширили свою власть на стров Езо. А в 1604 г. самурайский клан Мацумаи получил право монопольной торговли на севере, включая контроль за проживающими там японскими купцами и аборигенами-айнами. Так айны попали в рабство – им запретили иметь рисовые поля и превратили в данников. Спустя непродолжительное время айны стали париями и бродягами. Самое крупное восстание 1669 г. против японцев закончилось поражением.

Одновременно на юге японцы захватили остров Рюкю и начали подчинять Корею. До XV в. Корея и Япония подчинялись Китаю. Первая процедура разрыва с Кореей состояла в том, что Япония при обращении к корейскому королю начала пользоваться японским (а не китайским) календарем. Во второй половине XVI в. Япония освободилась от вассальной зависимости от Китая, а в 1592 г. японцы послали первые войска на захват Кореи. В 1607 г. прием корейского посла был осуществлен по правилам признания ленной зависимости Кореи от Японии¹⁹.

Португальцы создавали на Дальнем Востоке нечто вроде «торгового треугольника» Макао, Японии и Лиссабона для оживления товарообмена. Япония развивала политику контроля над базами (острова Рюкю) в единстве с территориальной экспансией Хоккайдо. Триста лет спустя японцы напомнили об этом всем заинтересованным странам.

Совместный надзор. Русско-английский контроль Кавказа и Средней Азии – следующий фактор русской колонизации. Главной колонией Англии была Индия, которую Англия контролировала до Гималаев. Россия двигалась на юг с северо-запада Гималаев. После Крымской войны движение стало опасным для англичан. Поэтому англичане и русские внимательно следили за обоюдной экспансией. Взаимное недоверие получило название «войны слона с китом» и длилось с 1829 по 1907 г. Войне предшествовали конфликты на Балтике и судьба английской Московской Кампании. Недоверие сохранилось и после подписания трактата (1907 г.) о разделе Персии на сферы влияния России и Англии. Русско-английские союзы против Германии 1914 г. и 1941 г. ничего не изменили в Иране и в Афганистане. Последствия взаимного недоверия проявились в 1950-1990 гг.

Жадность русских царей к захвату новых территорий была ненасытной. После занятия Сибири и Аляски царь в 1821 г. царь потребовал обеспечить русским кораблям монополию торговли и навигации на северо-востоке Тихого океана вплоть до 51 градуса северной широты, т.е. в Калифорнии. В ответ президент США принял «доктрину Монро» (1823 г.), согласно которой европейские державы не должны расширять сферы влияния на любую часть обоих Америк: «Наши континенты обрели автономию и независимость и желают ее поддерживать. Поэтому никто и никогда в будущем не должен рассматривать их как колонии любого европейского государства».

Зато Закавказье превратилось в колонию России. Чтобы страна не попала в руки мусульман-персов, грузинский царь отрекся от трона в пользу русского царя. После победы над Персией генерал Паскевич навязал ей Туркманчайский мирный договор (1828 г.), согласно которому часть персидской Армении отходила к России. В войнах с Турцией Паскевич тоже победил. По Андрианопольскому миру (1829 г.) турецкая Армения присоединялась к царской империи. Западные державы упустили из виду, что эти изменения (после потери Греции

¹⁹ См.: Ferro M. Op.cit., s. 60-61.

и Египта Османской империей) нарушили равновесие на Ближнем Востоке. По сообщениям французского консула в Трапезунде, царь умножал происки для сокрытия захватнических планов. Например, в Андрианопольском трактате Абхазия не упоминалась, хотя Россия «проглатывала» ее на протяжении восьми предшествующих лет и фактически это сделала по мере захвата Восточного Кавказа. Лишь после 1830 г. Россия столкнулась с сопротивлением Шамиля, длившемся до 1859 г.

М. Ферро исходит из того, что Кавказская война России и Алжирская война Франции *идентичны*. Такое сравнение высказано публицистом газеты «Le National» (1844 г.), географом Воейковым (1914 г.) и историком Хаммером (1991 г.). Подобие вытекает из факта: агрессоры наступали на горы с равнин, не обладая строгим планом захвата территории. Десмишель в Алжире и фон Клюгенау на Кавказе вели переговоры от имени монархов. Парадоксальность ситуации состояла в том, что при заключении договора с противником России и Франции доставались равнины. Тем самым договоры *укрепляли положение противника*, несмотря на поддержку Россией и Францией соперников Шамиля и Абдель-Кадера в борьбе за власть.

В любом случае овладение территорией влекло за собой множество жертв – при отсутствии определенности в их необходимости. Иначе говоря, русская и французская дипломатия укрепляла силу противника на Кавказе и в Алжире перед разрывом «достойного мира». Победа России и Франции стоила большой крови. После нее возникла русская легенда о «славном Шамиле», по аналогии с французской легендой о «смелом Абдель-Кадере». Так центры империй *возвышали* собственных противников.

Европейские либералы считали, что слава Шамиля оказала электризирующее влияние на жителей Кавказа и одновременно предостерегала Запад перед русскими захватами. Главные европейские державы должны вмешаться в Кавказскую войну и не позволить деспотическому государству развивать свою энергию с целью уничтожить свободу на Кавказе: «Санкт-Петербург опасается, как бы либерализм не овладел черкесским вопросом подобно греческому вопросу»²⁰. М. Ферро напоминает: парижские и лондонские либералы осуждали царя-самодержца, одновременно оккупируя Алжир и Белуджистан. Во время Крымской войны Париж и Лондон делали ставку на Шамиля. Но Франция и Англия не имели элементарных сведений о территории Северного Кавказа. Поэтому оставался неясным вопрос: как соединиться с черкесами для совместного удара по русским войскам? Мнимым «знатоком территории» выступала Турция в надежде на повторный захват Северного Кавказа и Абхазии, которые совсем недавно находились под ее протекторатом.

Так Кавказ впервые вышел на арену международной политики. В 1830 г. английский дипломат Д. Уркарт анонимно опубликовал брошюру на английском и французском языках «Англия, Франция, Россия и Турция», которая выдержала три издания в Англии. В этом труде Уркарт описал экспансию России в сторону Черного моря и предупреждал общественное мнение Европы: после захвата проливов Россия будет контролировать все Средиземное море, из-за чего возникнет проблема свободы мореплавания; западным державам надо объединиться для поддержки восстания на Кавказе; Грузия тоже ждет сигнала сбросить московское иго; сотни тысяч храбрых и вооруженных жителей Кавказа находятся в мнимой зависимости от Москвы и готовы атаковать русских.

Но либеральная фразеология не отменяет факта: Крымская война завершилась следствиями, противоположными намерениям ее инициаторов. Она сама была следствием обоюдного недоверия, включая стремление России разрушить Османскую империю во имя православия и освобождения славянских народов. Англия и Франция этого не желали. Поэтому

²⁰ Ibid., s. 103.

они плюнули на христианскую солидарность, защиту «прав наций» и стали на сторону мусульман не столько для защиты Турции, сколько в видах ее раздела между собой (по аналогии с дележом Польши между Россией, Австро-Венгрией и Пруссией). Западные державы победили, сдержали русскую экспансию, одновременно ослабив положение Турции на Балканах, хотя начинали войну в целях усиления Турции. В этом смысле они сыграли на руку России.

Однако Британия и Россия остались непримиримыми врагами в Средней Азии и на границах Индии. Здесь экспансия была обоюдной, а конфликт – неизбежным. М. Ферро анализирует цели российской экспансии в Средней Азии. Согласно марксистской традиции, первая фаза империализма (1865-1885 гг.) была военно-феодальной, а затем возросла роль экономики. Однако влияние экономики на первой фазе экспансии было незначительно именно потому, что сама фаза была следствием стремления царя создать выгодные условия русской торговли в Средней Азии. Но частный капитал не поддержал эту политическую акцию.

Например, договоры с Кокандом, Бухарой и Хивой подписаны в 1868-1873 гг., а производство хлопка (непищевого растения) началось только в 1890 г. Финансовые интересы России при захвате Средней Азии не играли никакой роли, поскольку царь не исключал, что указанные государства попадут под влияние Турции. Значит, России захватила эти территории *превентивно*. Главная причина русской аннексии Средней Азии – желание держать иностранцев на дистанции, одновременно поддерживая *изоляция* среднеазиатских государств. Русские министры Гирс и Черняев сразу поняли экономическую бесполезность оккупации Средней Азии.

Стремление *держат* на дистанции – главный мотив противодействия России (до 1910 г.) английскому проекту строительства железной дороги в Персии, соединения ее с Кавказом и договор Скотта-Муравьева (1899 г.), на основе которого Англия пообещала России отказаться от строительства железной дороги и противодействовать любому проекту строительства рокадных дорог вдоль российско-китайской границы.

Россия пыталась внедриться в экономику буферных государств – Персии и Маньчжурии. Но русская торговля не могла конкурировать с английской и японской из-за отсталости российского бизнеса. И все же российские товары продвигались в Османскую империю (Анатолия, Курдистан), Синьцзян, Персию (куда получила доступ и Германия) и Афганистан. В этих районах российская торговля до 1914 г. увеличилась в три раза, достигнув 38% импорта в Кабул; Англия занимала 62% в торговле Афганистана. Именно здесь вспыхнул англо-русский конфликт.

В 1872-1873 гг. царь подтвердил, что Афганистан находится вне сферы влияния России. В ответ англичане предприняли поход из Индии, заняли Белуджистан и пытались контролировать режим в Кабуле, чтобы тоже держать русских на дистанции. В итоге британская миссия была вырезана (1879 г.). Но экспедиция лорда Робертса опять взяла Кабул. В ответ Россия захватила Мерв, Пяндж и перевал Зульфикар – прямой путь в Афганистан. Возник кризис. Англичане снарядили эскадру во Владивосток. В 1885 г. заключен договор, по которому Пяндж остался под контролем России, а перевал Зульфикар отошел к Афганистану. Затем конвенция в Симле «прирезала» Афганистану узкую полосу территории для предотвращения общей границы между Россией и Индией. Сто лет спустя «афганский палец рукавицы» стал ядром конфликта между Таджикистаном, Узбекистаном, Афганистаном и Пакистаном. Таковы плоды дипломатической деятельности.

Перед смертью Александр III завещал Николаю II: «Постоянно думать, но никогда не говорить об Индии». Царь предвидел, что Германия (она лишь начинала экспансию на Ближний Восток) извлечет пользу из англо-русского конфликта. Цель английской восточной политики – держать русских на дистанции от теплых морей и не допускать к Персидскому зали-

ву. В 1892 г. лорд Керзон выпустил книгу о Персии, в которой доказывал, что Англия и Персия рискуют оказаться в ситуации Бухары и Хивы. Царь эксплуатировал северную Персию и одновременно она была пронизана русским революционным движением. В этом смысле цели русского царя и русских революционеров *совпали*. Англия хотела обладать равноценной сферой влияния на юге Персии. При заключении договора об Антанте в 1904 г. Франция посредничала при согласовании интересов «кита и слона». Согласно трактату 1907 г. Персия была разделена на российскую и английскую сферы влияния. Такое положение сохранялось намного дольше времени действия трактата. Исторические обстоятельства после 1907 г. многократно менялись. Несмотря на это, англичане и русские оккупировали Персию в 1942 г. и побратались на этом первообразе «линии Одер-Нейсе». Это свидетельствует о сходстве английского и российского империализма.

Итак, трактат 1907 г. завершил ситуацию взаимной агрессии, проявлением которой был англо-японский договор 1902 г. Этот акт развязал руки Японии. Она начала проводить наступательную политику в Китае и Маньчжурии. Эта политика привела к русско-японской войне 1904-1905 гг., которая породила *имперское наследство* – следующее свойство колонизации. М. Ферро иллюстрирует специфику такого наследства на примере Курильских островов.

Конфликт по поводу Курил – последний эпизод русско-японского соперничества в XX в. Его истоки уходят в XIX в., когда японские и русские рыбаки Хоккайдо и Камчатки затеяли спор об островах, которые по-русски называются Курилами, а по-японски – Тысячей островов. На деле острова открыты голландцами в 1643 г., а спорная проблема впервые решена в 1855 г. договором в Шимода: большой остров Сахалин был объявлен собственностью обеих стран; на Курилах граница России и Японии проходила между островами Уруп и Эторофу, т.е. вблизи с Хоккайдо – японской колонией. Конфликт порожден проблемой определения: являются ли острова Хабомаи и Шикотан (вблизи Езо-Хоккайдо) частью японской колонии или относятся к Южным Курилам? Виновником проблемы является Япония, которая бюрократически присоединила острова к Курилам. Спор урегулирован петербургским трактатом (1875 г.): Россия отказалась от Курил взамен за весь Сахалин. После войны 1904-1905 гг. Япония захватила южную часть Сахалина, одновременно удерживая все Курилы. В 1945 г. СССР занял Курилы, что было подтверждено договором в Сан-Франциско (1951 г.). В итоге острова Хабомаи и Шикотан стали советскими, поскольку согласно японской дефиниции «группа Курил» включала все острова между Езо-Хоккайдо и Камчаткой²¹.

Современная Россия в споре о Курилах опирается на победу СССР – несуществующего государства, и на декреты японской бюрократии прошлого столетия в целях сохранения за собой всех островов до Хоккайдо. Япония желает возврата к Петербургскому трактату, отказываясь от права на Сахалин. Наиболее разумной остается старая линия раздела, определенная в Шимода. Однако разум никогда не руководил народами и государствами, отмечает Ферро. Имперская дипломатия была и остается продуктом войн, аннексий и колонизации.

Присоединение и завоевание наций. Для описания специфики русско-советской аннексии М. Ферро применяет сравнительный подход. Политика Португалии и Франции была направлена на ассимиляцию и интеграцию колонизированных наций. Британия создавала «государство благоденствия» на основе либеральной трактовки «общего блага». Отделение Соединенных Штатов показало бесплодность такой политики. Россия до 1917 г. при решении проблемы аннексии руководствовалась *наднациональной логикой*. Первый и главный признак Российской империи – отсутствие этнических оснований многонационального госу-

²¹ См.: *ibid.*, s. 117. Из российских публикаций на эту тему укажем только одну работу: Латышев И. Япония, японцы и японоведы. Москва: Алгоритм. – 2001. Хотя она получила скандальную известность, но дает неплохое представление о том, что ни Япония, ни Россия не рассматривают проблему Курил в контексте совместного отказа от колониально-имперского наследства. См.: с. 744-823.

дарства, в котором разные нации подчинялись одному монарху (Российская империя). Поэтому Россия всегда репрессировала тех, кто выступал против царя во имя национальной идеи.

Такая политика породила постоянные внутренние потрясения и войны. Исходная проблема русских царей – поглощение татар на фоне постоянной угрозы со стороны Польши и Швеции. Поглощение включало два этапа:

- аннексия Поволжья в XVI-XVIII вв. (район проживания татар, башкир и черемисов) и ее завершение после разгрома восстания Емельяна Пугачева;
- присоединение Крыма (1783 г.) породило проблему, которая не решена до настоящего времени.

В обоих случаях аннексия осуществлялась по шаблону *невыполнения обещаний*. Правда, опыт поглощения казанских татар принудил Екатерину II больше пообещать крымским татарам. Реальным исполнителем обещания оказался Сталин, выселивших татар за пределы Крыма.

По отношению к колонизированным христианским нациям Россия вела себя иначе. Наднациональная логика включает следующие этапы:

- оккупация христианских государств – Грузии, Армении, Польши, стран Балтии и т.д.;
- проведение политики разрыва с прошлым, цель которой сводилась к русификации;
- переоценка прежней национальной политики в соответствии с советскими стандартами после 1917 г.

Распад Золотой Орды завершился появлением ряда татарских (тюрко-монгольских) ханств. «Казань – сухая ветвь – отпала от засохшего дерева Золотой Орды, и принесла горький плод – второе государство под властью другого князя Орды». Казанское ханство непосредственно угрожало Московскому государству. На землях Казанского ханства проживали турецкие татары, чуваша, башкиры, угро-финские племена черемисов (марийцев), мордвы и вотяков. Москва некоторое время платила дань Казани и другим наследникам Золотой Орды, хотя русские историки XIX в. отрицали этот факт.

Иван III первым понял пользу «великой замятни» – конфликтов между наследниками Чингис-Хана. Татарские царевичи нередко уходили в Москву и одновременно поддерживались частью казанской олигархии. Эта ситуация стала основанием первой попытки Москвы (1468 г.) овладеть инициативой. Казанский хан заключил союз с Москвой против крымских татар – другой ветви Золотой Орды. В ответ крымский хан начал претендовать на Казанский престол. Москва начала искать более сговорчивых союзников, роль которых сыграли черемисы, а пользу извлекла Москва. Поход на Казань имел своей целью окончательный разгром «безбожных сарацинов, которые хорошо знали свою страну» (как писал князь Курбский) и призвали Литву ударить на Москву с тыла. Но Иван IV победил. Падение Казани облегчило положение народов, вынужденных подчиняться власти татар.

«И все же Pax Rossica не состоялась», – пишет Ферро. Восстания татар, черемисов, чувашей, мордвы, башкир продолжались более 200 лет – до восстания Е. Пугачева (1772-1775). Русские казнили всю знать казанских татар, остальных принудили платить земельный налог и выполнять другие повинности. В 1767 г. казанские татары представили Законодательной Комиссии Екатерины II «Жалобную книгу», в которой описали собственную двухсотлетнюю службу Москве и выразили согласие с русским правлением: «Мы служили Самодержавному Императору Петру Великому, благословенной и доброй памяти любимому деду Вашего Императорского Величества, и принимали участие во многих войнах и битвах – в 1614 г. против беглого монаха изменника Гришки, в 1612 г. против татарских бунтовщиков из казанской провинции, в 1639 г. защищали Самару от калмыков из Астрахани, в 1654 г. защищали Смоленск от поляков, а затем участвовали в подавлении башкирского бунта». В 1660 г. число

иноплеменников на службе русского царя составляло около 2000 человек, а 50 лет спустя оно было в 20 раз больше²².

Но бесконечные экспроприации и битвы за независимость лишили собственности и истребили прежнюю татарскую элиту и правящий класс. Земля и другие трофеи достались царю, православному духовенству и татарским боярам, состоявшим на московской службе. Большинство колонистов были военными. После военной колонизации пришли духовные колонизаторы. В любом случае захваченная территория охранялась законом. Уложение царя Алексея (1649 г.) запрещало русским боярам, дворянству и представителям всех сословий покупать, обменивать, принимать в заклад и арендовать земли татар, мордвы, чувашей, черемисов, вотяков и башкир. Все перечисленные не имели права покупать земли русских колонистов. Это способствовало тому, что *небольшое число захватчиков-колонистов установило асимметричное равновесие*, суть которого – стабилизация собственности на землю.

Затем была проведена жестокая христианизация чувашей, черемисов и мордвы. Татары сопротивлялись, требовали разрешить строительство мечетей и выдачу паспортов для посещения Мекки. Но православная церковь использовала против татар давно известные на Западе процедуры:

- изъятие детей;
- принудительное крещение взамен военной повинности;
- «магометанские школы» под надзором православного духовенства.

В XIX в. сохранение ислама стало важнее татарского патриотизма. По переписи 1897 г. в России проживало 2,3 млн. казанских татар. Они противодействовали политике русификации, но постепенно дифференцировались: владели третью промышленных предприятий Казанской губернии; контролировали торговлю со Средней Азией; образовали первое мусульманское государство с сильным и образованным средним классом. Казанские татары были лидерами национальных движений в Российской империи. Первое мусульманское феминистское движение тоже возникло в Казани до 1917 г.

Колонизация башкир проходила иначе. Башкиры оставались разобщенным полукочевым обществом, которому нетрудно было навязать русское право и заставить платить дань. Русские колонисты освободили башкирскую аристократию от дани и предоставили ей статус тарханов. Для обработки земли башкиры нанимали беглых чувашей, вотяков и татар. До середины XVII в. число русских колонистов было незначительно. Но они были оседлыми, вследствие чего начался конфликт с кочевниками-башкирами. Конфликт стал постоянным после договора 1728 г., закрепившего права и обязанности государства, башкирских племен и русских колонистов. Первые признаки национального сознания появились в 1754 г. и выразились в первом национально-мусульманском движении. Его вождем стал Абдулла Мигсалдин – татарин, который хотел с божьей помощью прогнать русских и призывал единоверцев: «Не сотрудничайте с русскими грязными свиньями, проливайте их кровь, разоряйте их жилища и превратите их в рабов». В ответ последовали такие репрессии, что многие башкиры добровольно ушли в рабство к киргизам из опасения перед геноцидом. Но уцелевшие активно участвовали в восстании Пугачева. В конце 1774 г. Н. Панин докладывал Екатерине II: «Бунтовщики и башкиры заново подчинены скипетру Вашего Императорского Величества».

Так отпала первая ветвь Золотой Орды. Вторая начала чахнуть после присоединения Крыма к России. Теперь проблема переплелась с международными конфликтами и вышла за рамки российско-татарского конфликта. Крымские татары были вассалами Османской империи. Но затем заключили союз с персами и начали освободительную войну с турками. Чтобы достичь театра военных действий (район Дагестана), они двинулись через степи Приазовья.

²² Ibid., s. 166.

Азов в то время уже принадлежал России. Это дало повод России вмешаться в региональный турецко-татарский конфликт и аннексировать Крым. В это же время греки и армяне вынуждены были бежать от преследований турок и селиться вокруг Азовского моря.

Аннексия Крыма подвигла императрицу на манифест: «Мы обещаем жителям Крыма от нашего имени и наших наследников удержать их равные права с нашими наследственными подданными, сохранить и защищать их личности, имущество, святыни, веру их предков, которая останется нерушимой. Обещаем также, что каждое состояние получит права и привилегии, какими пользуются соответствующие состояния в России. Взамен за мир, какой мы им приносим, мы требуем и ожидаем, что они были столь же лояльны, как наши подданные, и настолько же преданные, чтобы тоже заслужить императорскую ласку»²³.

В дополнение к манифесту «Северная Семирамида» направила декрет князю Потемкину (генеральному губернатору Новороссии) и потребовала собирать налоги (таможенный, соляной и т.д.) таким образом, чтобы «они не превратились в тягость для населения. Поступления от налогов должны направляться на обслуживание мечетей, школ и приютских домов. Надо воздвигнуть памятник в честь присоединения Крыма и татарских земель к Российской империи. Наконец, ни один из наших новых подданных не должен нести военную службу против своей воли и желания».

Аннексия Кавказских «провинций» (особенно Грузии) послужила причиной дискуссии о статусе новых территорий. Она проходила в 1820 г. вокруг вопроса: являются ли данные территории колониями? «Эти приобретения можно назвать нашими колониями с полным основанием, поскольку они дают нам колониальные товары. Мы называем их колониями, поскольку правительство не включает данные территории в систему государства, не делает из них части России и не русифицирует их население. Правительство желает сохранить их как азиатскую, но хорошо управляемую провинцию». Итак, Александр I считал колонией то, что во Франции называлось протекторатом. Земли в центре России (татарские и другие) уже стали частью государства, а их жители на практике убеждались, как русские цари выполняют обещания.

Та же судьба постигла новые территории – Грузию, Финляндию и Польшу, захваченные в эпоху революций и Наполеоновских войн.

Манифест о присоединении Грузии (1801 г.) напоминал обстоятельства, заставившие грузинского царя Георгия принять опеку России, которая согласилась присоединить Грузию «навсегда». Грузия сохранила контроль над своей территорией, а население получило тот же статус, который существовал в России. Манифест об аннексии Финляндии (до 1809 г. принадлежавшей Швеции) провозглашал сохранение прав, обычаев и религии края и гарантировал свободы и права сословий. Отсюда вытекало признание царя в «добровольной присяге Финляндии на верность России». Царь-самодержец России признавал: финским царем он является в результате выборов.

В 1815 г. после Венского Конгресса Александр I получил главную часть территории Польши и проявил либерализм, придав Польше статус государства. Правда, оно не имело права проводить независимую зарубежную политику, зато пользовалось благами конституции: свободой печати (ст. 16), сохранения оригинальных мундиров польского войска и остальных признаков польской нации (ст. 156), включая ордена Белого Орла, Святого Станислава и т.д. (с. 160). Поляки первыми ощутили блага действительного конституционного строя, которых были лишены русские. Александр I высказал пожелание, чтобы польская конституция послужила примером для остальных русских подданных. Однако либеральные веяния конституции 1815 г. и призыва к польскому сейму 1818 г. просуществовали всего

²³ Все цитаты из официальных документов и других источников М. Ферро приводит по английским изданиям работ Г. Вернадского.

несколько лет. Конституция легитимизировала восстания декабристов и польские восстания XIX в.

Политика повторных захватов

М. Ферро показывает, что главная цель национальной политики советской власти сводилась к *повторному захвату* Украины, Грузии и Армении, получивших независимость в период гражданской войны. Аннексия осуществлялась в три этапа:

- военная оккупация;
- навязывание оккупированной территории союза с Россией;
- ликвидация дипломатии и вооруженных сил бывших независимых территорий.

На Украине, в Грузии и Армении этот процесс завершился при Ленине (1923-1924 гг.). Другие нации прошли тот же путь при Сталине, который ликвидировал структуры, противодействующие унификации СССР (исламский социализм Султан-Галиева, еврейский Поалей-Сион и пр.).

Большевики в 1918 г. не представляли, что освободившиеся в результате революции нации возродятся в виде самостоятельных государств и будут насильственно объединены в одну страну. Ленинская критика «великорусского шовинизма» направлялась не по адресу. Вдохновители и исполнители этой политики были авторитарно-централистскими неоякобинцами, а не великороссами. Только в Грузии советская интервенция наступила после ухода германских войск и эта страна была вынуждена подписать союзный договор с Россией. По отношению к остальным территориям неоякобинцы применяли следующие методы:

- ограничение права на самоопределение наций рабочим классом (Финляндия, Украина) или партией рабочего класса (Бухара);
- стимулирование национализма (для создания Беларуси за счет Польши и балканизации Туркестана);
- вторичный захват территории под предлогом «предотвращения иностранной интервенции» (со стороны Турции, Японии и т.п.).

По отношению к повторно захваченным территориям политика советской власти сводилась к следующим действиям:

1. Дерусификация организаций, определяющих статус нерусских территорий (Комитет по делам Кавказа, Мусульманский Комитет, Комитет издательства «Жизнь национальностей» и пр.). Вначале Наркомнац состоял из нерусских, хотя трудно было найти большевиков – представителей всех наций Российской империи.

2. Борьба с царской русификацией путем возрождения национальных культур. Такая политика способствовала возрождению (Армения) и появлению национальных культур (некоторые народы Кавказа), устраняя явные и тайные фрустрации: «Советская власть может считаться эталоном стимулирования и использования в собственных интересах культур национальностей (например, калмыков). Однако впоследствии эта политика возродила прежнюю вражду народов Туркестана – узбеков, казахов, таджиков и т.д.»²⁴.

Так возникла *дихотомия* между марксистской концепцией социального развития (воплощенной в советизации) и ленинско-сталинской этнической политикой (ее последствия проявились полвека спустя и существуют до сих пор):

1. Образование национальных и государственных единиц по принципу куклы-матрешки (федеративные республики, автономные республики, автономные округа, автономные области, края) позволило создать нерусскую интеллигенцию и доверить ей местные квазигосу-

²⁴ Ibid., s. 170.

дарственные функции. Со временем эти функции умножались и расширялись. Последствия проявились в период перестройки. Бакинская милиция целиком состояла из азербайджан, враждебно настроенных к армянам. Ереванская милиция была армянской и т.д. *Практический национализм в СССР возникал прежде всего внутри репрессивных органов и в армии.*

2. Постоянный рост числа нерусских кадров в федеральной конституционной системе общесоюзного уровня. Об этом свидетельствуют функции Сталина, Микояна, Хрущева, Шварнадзе, Алиева и т.д. Этот процесс шел медленно, но неотвратимо. Зато на вершине партаппарата с середины 1920-х гг. формировалась противоположная тенденция – рост числа русских (особенно в ЦК КПСС).

Контраст указанных тенденций позволяет зафиксировать *предпосылки распада СССР* в 1989-1991 гг. К этому времени во главе страны находились славяне, а в руководстве республик Кавказа и Средней Азии русских не было. Речь идет о следующих феноменах:

1. Статус двойной национальности (федеральной и национальной) для большинства нерусских служил политическим авансом, но одновременно дискриминировал граждан, национальность которых не имела территориального статуса (прежде всего евреев). Свобода выбора национальности каждым советским гражданином оставалась фикцией. Если человек хотел оставаться евреем, он вынужден был согласиться с дискриминацией. Если еврей хотел быть обычным советским человеком (русским или татарин), выбор национальности наталкивался на расистскую реакцию функционеров коренной нации (особенно на Украине и в России). Для выхода из положения в Восточной Сибири была образована Еврейская автономная республика, затем преобразованная в автономную область (1934 г.). Но накануне распада СССР там проживало менее 10000 евреев.

2. Правовая советизация русских и не-русских унифицировала правовое положение и политическую культуру всех наций. Одновременно было проявлено насилие в отношении казачества в гражданской войне и народов, которые сотрудничали с немцами во второй мировой войне (крымские татары, чеченцы, ингуши, приволжские немцы и т.д.). Поскольку вершина союзной иерархии постоянно русифицировалась, послевоенная советизация преобразовалась в русификацию (особенно на Украине, в Прибалтике и Молдавии). Рост числа общесоюзных законов тоже был аспектом русификации, поскольку унификация правового статуса подрывала специфику национальной идентичности. Сопrotивление русификации выразилось в следующих явлениях: незначительном числе смешанных браков в мусульманских республиках; отказе населения прибалтийских республик говорить по-русски; на Украине и в Грузии оно воплотилось в культурных, политических и религиозных формах.

3. Наконец, русское национальное сознание начало реагировать на колонизацию важных социальных сфер (СМИ, наука, культура, торговля) определенными нациями (евреями, грузинами, армянами). Пробуждение русского национального сознания кардинально отличалось от сопротивления других наций и в 1980-е гг. приобрело форму скрытой оппозиции советской власти.

Положение в СССР накануне распада сопоставимо с ситуацией в Алжире в 1950-е гг. В отличие от Алжира в СССР республики приобрели фактическую самостоятельность, а *подобие* состоит в том, что в Алжире аборигены считали себя мусульманами, арабами и алжирцами по отношению к французам. В Средней Азии аборигены тоже ощущали себя мусульманами, турками, персами, узбеками и таджиками, причем, таджики считали себя центром всего персидского народа. В этом смысле Таджикистан – единственный советский пример экспансии посредством колонизации.

Колонизованная нация как средство экспансии. В СССР не проводилось различие между аннексией и колонизацией территорий. На Западе аннексия определяется как завоевание

(оккупация) народов и позволяет установить различие между российско-советской аннексией балтийских стран и колонизацией Кавказа и Средней Азии. В западном смысле слова приобретения России на Кавказе и в Средней Азии являются колониями. Статус советских республик определялся разными критериями, которые бесконечно уточнялись официальными идеологами производно от конъюнктуры. В отношении несоветских соседей Москва применяла модель, цель которой сводилась к подготовке их присоединения к СССР. Это открывало дорогу безграничной экспансии. Бытие компартий закрепило практику *социальной* (а не политической) *аннексии*. Подчиненные партии находились вне империи как средства советской экспансии.

Этот процесс наиболее ярко проявился в Таджикистане. А его начало обусловлено независимостью Финляндии в соответствии с правом самоопределения наций. Сталин считал, что это «право применено вопреки нашей воле, поскольку оно дано социалистическим правительством не народу, а буржуазии» (декабрь 1917 г.). Поэтому Москва сразу признала финское большевистское правительство в Тампере. Но в Финляндии большевики потерпели поражение. Поэтому они сдвинули право самоопределения наций на рабочий класс и применили такую тактику на Украине: Москва признала Харьковское, а не Киевское правительство (избранное Киевским советом). Однако опыт Финляндии и Украины показал сопротивление национального рабочего класса экспансии Москвы. Поэтому второй сдвиг права самоопределения наций имел место в Бухаре, когда «партия рабочего класса» была признана правомочной инстанцией.

Не менее широко применялся другой метод – создание национальных приграничных движений для давления на соседнюю страну с целью повторного захвата части ее территории. Эта практика применялась в Карелии для присоединения к СССР ее финской части, а также в Белоруссии, в которой существовало движение автономистов, но социалисты его не признавали до 1917 г. После 1920 г. Сталин подстрекал белорусских большевиков претендовать на часть Литвы и Польши. Оба метода применялись в советской и иранской части Азербайджана и Таджикистане и иллюстрируют бесконечный горизонт советского экспансионистского мышления.

Территория таджиков примерно соответствует древней Согдиане – цивилизации, давшей миру Авиценну и Фирдоуси. Но она всегда была яблоком раздора персоязычной Бухары и туркоязычного Коканда, населенного узбеками. Для выхода из положения в советском Узбекистане была образована Таджикская автономная область. Этот акт возродил национальную идентичность таджиков, в которой большую роль сыграли школьные учителя. Затем таджики поставили вопрос о «топорном делении» прежнего российского Туркестана, поскольку центры таджикской цивилизации (Бухара и Самарканд) находились в Узбекистане. У таджиков не было городов и они заново доказывали свою идентичность путем перевода таджикского языка на латинский алфавит: «Так латинизация вписалась в план национального самоутверждения»²⁵. Сталин поддержал это движение для ослабления узбеков, мотивируя поддержку крайней бедностью таджиков.

Создание Таджикской автономной республики (1925 г.) открывало широкие горизонты. Она была образована из восточной части прежнего Бухарского эмирата, а четыре года спустя преобразована в полноправную советскую республику. Этот акт осуществлен после полного разгрома басмачей и «предания забвению» авантюры Энвер-Паши, штаб которого находился в Душанбе. Так ответила Москва на падение собственного союзника – афганского короля Амануиллы. Для придания большего веса Таджикистану, Москва прирезала ему крышу Памира – восточную часть Горного Бадахшана, хотя этот район населен киргизами и должен был

²⁵ Ibid., s. 173.

войти в состав Киргизии. Но создание Таджикистана направлялось на укрепление его персидской идентичности для противовеса республикам с турецкой идентичностью.

Советская концепция истории таджиков превратила их в центр персидской цивилизации. Историк и первый секретарь Компартии Таджикистана Б. Гафуров утверждал, что «Спитамен был таджиком и 23 столетия тому назад прогнал Александра Македонского из нашего края. Кроме того, таджики первыми начали сопротивляться нашествию монголов. Таджикистан – родина великого поэта Фирдоуси – помог персам возродить самобытную культуру, которая подавлялась реакционным режимом Тегерана». Персидский революционер А. Лахути превратился в «народного поэта Таджикистана» и пророчествовал, что Иран вскоре станет «незапятнанным и свободным подобно советской земле». «Пятно» означало нефтяную концессию Англо-Иранской Кампании.

Таджикистан стал плацдармом возрождения Персии и военной базой восстановления российского влияния в Афганистане. Последний поворот этой истории имел место в 1979 г. Идея возврата Афганистана в зону советского влияния сохранилась потому, что Афганистан участвовал в гражданской войне в России в качестве военной базы и места дислокации басмачей. «Советская энциклопедия» писала, что таджики, узбеки и туркмены – главные нации Афганистана, но в СССР каждая из них является советским народом и имеет свое государство. Число таджиков в Афганистане оценивалось в 2-3 миллиона (24% в провинции Герат, 48% в провинции Кабул и т.д.). Советские «спецы по этнической истории» напоминали, что в ХУШ в. афганские племена Ахмад Хана захватили южную часть Бухарского ханства и таджикский регион Балх, что привело к распаду данного многонационального государства: «Исторические реминисценции обосновывали повторный захват части Афганистана и предотвращали любое вмешательство Кабула в дела прежнего Туркестана»²⁶.

При создании Таджикской автономной республики Сталин направил приветствие ее руководству: «Слава Таджикистану – новой республике трудящихся масс у ворот Индустана... Пусть она служит образцом и примером народам Востока». После установления независимости Индии (1947 г.) этот рецепт потерял смысл. Но не помешал лауреату Сталинской премии 1948 г. Мирзо Турсун-Заде призвать индусов присоединиться к Таджикистану, столица которого Душанбе-Сталинабад за 20 лет выросла от 5000 до 82000 жителей.

И все же возвышенные проекты советской экспансии в сторону Ирана, Афганистана и Индии столкнулись с реальным положением и ментальностью таджиков. Местное руководство не имело никакого понятия о стратегических целях великого вождя, а руководствовалось простыми и общедоступными целями – изгнать русских и создать «великий Таджикистан» за счет соседей-узбеков. В 1930-е гг. этого добиться не удалось. В 1990-е гг. эта цель начала воплощаться в жизнь.

Коминтерн и колонизированные народы. II Интернационал осуждал колониализм в целях замены его социализмом. Ленин в работе «О праве наций на самоопределение» (1914 г.) одним из первых подчеркнул «прогрессивную» роль национальных требований: колониальная политика улучшала материальное положение рабочих и тем самым тормозила социальную революцию в Европе. Поэтому национальная борьба с империализмом есть элемент пролетарской борьбы. Конечно, позиция Ленина радикальнее позиции вождей II Интернационала, но и он не считал национальные требования колонизированных наций *самоцелью*.

Кардинальное отличие будущего колонизированных наций от перспективы пролетарской революции фиксирует показательный пример. В разгар первой мировой войны (1916 г.) швейцарец Е. Приват созвал в Лозанне конференцию угнетенных наций Австро-Венгрии. На

²⁶ Ibid., s. 174.

нее неожиданно прибыли представители угнетенных наций России, египтяне, армяне, жители Туниса и т. д. В Швейцарии в то время находилось большинство российских социалистов (большевиков, меньшевиков, эсеров, анархистов), но никто из них не пришел на конференцию (за исключением финна Куусинена). Лидеры всех социалистических партий России не придали значения конференции угнетенных наций: «Только французский журналист и националистический историк Ж. Бенвиль заметил, что национальный и колониальный вопросы - две стороны одной медали, и рекомендовал правительству Франции не поддерживать национальный вопрос в Австро-Венгрии, поскольку это чревато последствиями для французских колоний»²⁷.

В 1917 г. нации Российской империи восприняли падение царизма и Временного правительства как шанс освобождения. Попутно они убедились, что Ленин провозглашал право самоопределения наций только для ускорения краха прежнего режима. Сразу после революции – во имя революционной солидарности - Москва сочла, что реализация данного права ослабит лагерь мировой революции, перспективы которой обсуждались на II Конгрессе Коминтерна в 1920 г. Несмотря на победы Красной Армии, будущее мировой революции оставалось неопределенным. В этих условиях индус Рой сформулировал тезисы:

- судьба европейской революции целиком зависит от революции на Востоке;
- революция на Востоке совершенно противоположна националистическим движениям, которые находятся в руках контрреволюционной буржуазии (особенно в Индии).

Ленин не согласился с тезисами индусского коммуниста. Интерес Ленина как Председателя Совнаркома состоял в поиске союзников, способных ударить в тыл враждебных государств. Поэтому Ленин сделал ставку на буржуазную партию Индийский национальный конгресс за счет «незрелой» компартии Индии.

М. Ферро считает, что дискуссия русского и индусского революционера содержит зародыш *конфликта* имперских интересов СССР со стремлениями революционеров колониальных и полуколониальных стран. Обострение конфликта произошло на съезде трудящихся Востока в Баку (июль 1920 г.), поскольку колониальный вопрос был центральным пунктом обсуждения. Влияние данного съезда на страны Азии значительно больше влияния конгресса Коминтерна. Трудящийся Восток представляли мусульмане Средней Азии (из 1891 делегата было 235 турок, 192 перса, 8 китайцев, 8 курдов, 3 араба, остальные – из нерусских частей РСФСР). Они с одобрением встретили декларацию К. Радека и Г. Зиновьева: «Вы издавна привыкли преодолевать пустыни на пути к священным местам. Сегодня вы преодолели пустыни, горы и реки ради встречи и обсуждения способа освобождения от цепей и объединения в братский союз для жизни в свободе, равенстве и братстве». Съезд отвечал на эти слова обнаженными шашками, револьверами и криками «Джихад!», «Да здравствует возрождение Востока!» (эта картина запечатлена кинокамерой).

Едва прошло возбуждение, мусульмане предъявили претензии к Москве: «Мы были вынуждены выносить презрение прежних правящих классов по отношению к массе аборигенов. Однако коммунисты сохранили ментальность господ и по-прежнему считают мусульман своими подданными». Истину и вред такого положения подтвердил личный представитель Ленина Г. Сафаров: «В Туркестане диктатура пролетариата приобрела типично колониальный характер». Большевики на съезде блокировались с меньшевиками и эсерами и осудили требование аборигенов Кавказа не вступать в социалистические партии. III Конгресс Мусульманских коммунистических организаций Туркестана потребовал преобразовать Туркестанскую организацию РКП в Турецкую компартию. На съезде было сказано также, что классовая солидарность не имеет смысла в колониях. Мусульмане считали национальные ре-

²⁷ Ferro M. Op. cit., s. 264.

волюции единственной гарантией освобождения Востока, а проблему руководства движением (буржуазия или национальная компартия) полагали второстепенной. На деле такие революции были единственным средством обретения национальной идентичности.

Конфликт развивался до 1923 г., когда *национальный уклон* был осужден Лениным, Сталиным и Зиновьевым, а его лидер Султан-Галиев (татарский коммунист и бывший заместитель Сталина в Наркомнаце) – исключен из партии. Султан-Галиев отмечал принципиальное различие западного и восточного пролетариата и отсутствие у них стремления к объединению. Его главный тезис звучал так: мусульманские народы – это пролетарские нации и поэтому мусульманское национальное движение имеет характер социалистической революции. Из этого тезиса вытекал ряд следствий: понятие «пролетарской нации» фиксировало пропасть между Западом и Востоком; западный пролетариат есть один из социальных классов, а нации Востока полностью пролетарские; замена буржуазии пролетариатом не изменит отношения западного пролетариата к угнетенным странам Востока, поскольку западный рабочий класс унаследовал национальные стереотипы западной буржуазии; поэтому надо заменить диктатуру западных метрополий диктатурой пролетарских наций над метрополиями; для этого надо создать коммунистический интернационал колонизированных стран, независимый от Коминтерна; первый этап на этом пути – создание Турана – большого национального турецкого государства. Все эти утверждения совершенно противоречили теории марксизма и практике советского социализма.

Иначе говоря, Султан-Галиев связал ислам с коммунизмом и создал теорию исламского коммунизма путем дополнения коммунизма элементами восточной культуры. М.И. Калинин на IV съезде Коминтерна (1923 г.) утверждал совершенно противоположное: «Советская политика должна быть направлена на внедрение в народы киргизских степей, узбеков и туркмен идеалов ленинградского рабочего».

«Султан-Галиевщина» ликвидирована насильственными методами. После «нормализации» положения в Туркестане Коминтерн продолжил политику использования национальных движений в своих интересах. Типичный пример – торговый договор Лондона и Москвы (1921 г.), согласно которому Москва обязывалась прекратить антианглийскую пропаганду в Азии. Советский европоцентризм насаждался с типично русским невежеством и грубостью. Российские коммунисты определяли характер национальных движений и решали, какие из них достойны поддержки. Это возмутило представителей Малайи, Вьетнама и Индии на III и IV Конгрессах Коминтерна. Коммунистические лидеры стран Востока считали национальную революцию лишь этапом на пути пролетарской революции. Коминтерн не видел никаких других перспектив на Востоке, кроме национальных революций. Тем самым вожди Коминтерна подчеркивали (не говоря вслух): социальная революция может произойти только на Западе; СССР имеет право определять, какой народ может и должен совершить революцию.

Эта политика была применена в Китае, вследствие чего Коминтерн поддержал Чан Кайши и сыграл главную роль в поражении китайской революции 1928 г. С учетом отношения Сталина к мусульманским коммунистам не исключена однозначно отрицательная оценка роли СССР и Коминтерна в борьбе колонизированных наций с империализмом. Но такая оценка не учитывает, что Коминтерн мог сыграть роль «горючего материала» националистических движений колониальных стран. Султан-Галиев, М. Рой и Тен Малака (малайский коммунист) сомневались, что СССР желает действительного освобождения колоний. Но в 1935 г. Коминтерн заменил лозунг классовой борьбы лозунгом Народного фронта, т. е. национальной борьбы. После этого Хо Шимин и филиппинские коммунисты присоединились к Коминтерну и совместно с демократическими государствами начали борьбу с японским фашизмом и его союзниками. Характерно, что в 1935 г. М. Торез тоже провозгла-

сил лозунг поддержки алжирского народа и начал контакты с алжирскими национал-реформаторскими «буржуями», которые в период классовой борьбы считались контрреволюционными. Торез подчеркивал необходимость союза алжирской и французской наций для борьбы с итальянским и германским фашизмом.

Однако позиции и главные тезисы националистических движений не изменились. На некоторое время они «ушли в подполье», хотя были известными малайским, индусским и китайским коммунистам. В 1960-е гг. Бумедьен и Каддафи возродили идею «пролетарских наций», не ссылаясь на предшественника. Но теперь к ним принадлежат арабы, а не татары и турки (как считал Султан-Галиев). Концепция татарского коммуниста функционирует в настоящее время и потому обладает значительным историческим и политическим потенциалом. После установления независимости Ливии, Алжира и Ирана в этих странах *воплощена идея замены диктатуры западных наций диктатурой наций третьего мира.*

Восточная политика Коминтерна ограничивалась народами турецкого и мусульманского происхождения, персами, индусами, вьетнамцами, малайцами, индонезийцами и китайцами. До второй мировой войны эта политика почти не затрагивала арабов. Только в Сирии и Ливане существовали более-менее организованные компартии. Черная Африка тоже выпала из поля действий Коминтерна (за исключением ЮАР, в которой была компартия). Контакты других африканских стран с Москвой ограничились учебой нескольких негров в Университете трудящихся Востока.

Распад или воспроизводство империи?

На основе общей концепции колонизации и применения ее к объяснению политической истории Российской империи и Советского Союза французский историк ставит проблему *воспроизводства колониализма* в современной России и других странах СНГ. Он отмечает, что в СССР национальные движения не выходили за рамки сепаратизма (Прибалтика, Украина, Армения, Грузия). Но на закате советской империи идея национальной независимости казалась «голубой мечтой» (таким выражением пользовались прибалты при Горбачеве, когда началась либерализация советского государства). Поэтому на первых свободных выборах национальные движения выдвинули лозунг *союзного договора*. По существу это был лозунг деколонизации. До 1989 г. «реформаторы» (Народный фронт) конкурировали с «традиционалистами» (Интерфронт). Армянский лозунг «Карабах, Карабах!» возродил этнические и национальные стремления, которые казались подавленными и устаревшими.

После этого по Советскому Союзу прошла волна национализма. Горбачев попал в классическое положение государственного лидера, который ради сохранения единства уступает давлению смельчаков или наглецов. Горбачев – это Керенский и де Голль в одном лице: первый доверил руководство армией Корнилову, второй – Салану. В обоих случаях военные пытались осуществить государственный переворот. Горбачев тоже вводил в правительство «традиционалистов», чтобы держать их под контролем, а они устроили государственный переворот.

Деколонизация в СССР началась после того, как Ельцин заменил Президента СССР Президентом России, провозгласил суверенитет, а затем выход России из Союза и роспуск КПСС. Тем самым он предоставил свободу остальным республикам, которые поступили аналогичным образом. Союзные структуры превратились в пустую скорлупу, а пост Президента СССР – ненужным. Затем Россия призвала независимые республики заключить с нею союз. Хотя не все прислушались к призыву, возник Союз Независимых Государств без Грузии (она присоединилась к нему в 1993 г.) и прибалтийских республик. Внутри РФ эта тенденция при-

вела некоторые республики (татар, чеченцев и др.) к разрыву с Москвой. Итак, *центр стал инициатором центробежного движения*. Такого в истории еще не бывало.

СССР формально распался, но после 1993 г. возрождаются прежние связи. Поражение консервативного государственного переворота²⁸ не изменило положение СНГ и других государств бывшего СССР. Наоборот, после распада СССР и разложения КПСС (контролирующей госаппарат) *общие свойства превзошли прежнее единство*. Речь идет о следующих явлениях всех республик:

- дезорганизация экономики (даже в прибалтийских странах);
- сохранение политической элиты от 30 до 90% в зависимости от расстояния от Москвы (таково принципиальное отличие СНГ от стран Восточной Европы);
- сохранение властных связей и отношений внутри и между республиками.

Новая ситуация была порождена этническими конфликтами в Молдавии, на Кавказе, в Прибалтике и Средней Азии. Москва сочла их настолько опасными, что спешно занялась репатриацией Советской армии в Россию. До 1992 г. Москва стремилась замедлить репатриацию армии для сохранения мифа военного присутствия в Центральной Европе. Те же самые шаги предприняты на Курилах.

Некоторое время в России шла борьба за власть между Б. Ельциным и парламентом. Затем вспыхнули другие конфликты. Они выходят за рамки государств, возникших на территории бывшего СССР, частично укрепляют и разрушают тенденции национальной идентичности и зависят от ряда *парадоксальных предпосылок, порождающих непредвиденные следствия*. Чтобы лучше понять механизм воспроизводства колониализма в СНГ, М. Ферро анализирует отношение между периферией и центром и формулирует ряд принципиальных положений для анализа и оценки современного положения на территории бывшего СССР.

Первый тезис. Мусульманские республики обладали собственным аппаратом управления до провозглашения независимости. При Брежневце узбеки руководили Узбекистаном, азербайджанцы – Азербайджаном и т. д. После армянских погромов Горбачев выразил удивление фактом невмешательства сил МВД и КГБ в этот процесс. Ему отвечали: «Азербайджанцы не будут стрелять в азербайджанцев ради защиты армян». Значит, силы безопасности Азербайджана были уже азербайджанскими, а не советскими. То же самое произошло в других республиках. Другой пример: в Казахстане возникли беспорядки после снятия с поста республиканского секретаря Д. Кунаева – противника перестройки. Первый секретарь ЦК КПСС не заметил, что противник был казахом, а сменивший его на посту человек – русским. Иначе говоря, советские республики становились все более самостоятельными.

Второй тезис. Независимость мусульманских республик не тождественна сепаратизму (поэтому их нельзя сравнивать с Тунисом и Марокко, которые в 1950-е гг. совместно с Парижем определяли этапы отделения от Франции). В Средней Азии возник феномен *превращенного сепаратизма*: руководители республик стремились захватить власть над центральными институтами СССР. Например, министр финансов Павлов (участник государственного переворота) был связан с узбекским госаппаратом и мафией. В конфликте Горбачев-Ельцин руководители республик поддерживали первого, а не второго. Один хотел сохранить Союз, другой начал процесс республиканского сепаратизма провозглашением суверенитета России. Это ликвидировало пользу, которую республики тянули из центра. Поэтому руководство республик стало на сторону заговорщиков.

Третий тезис. В России перестройка была воспринята как движение к свободе. Руководители мусульманских республик сочли ее опасной для традиционных социальных отноше-

²⁸ «Термин путч совершенно не соответствует действительности, поскольку в число заговорщиков вошли главы гражданских, военных и репрессивных ведомств – руководители государственного аппарата как тела политического строя». Ibid., s. 349.

ний, которые еще более окрепли при Советской власти (местные секретари КПСС, председатели советов и прочее начальство происходило из кланов прежних ханов, беков, мулл и т.п.). В период «гласности» Москва приписала мафиозные интересы только узбекам, поскольку Узбекистан занимался производством мака (непищевого растения). Едва ислам потребовал строить мечети, это сочли святотатством. Между тем центральная власть давно открыто флиртовала с Русской Православной Церковью. Все требования мусульманских республик Москва считала «происками Тегерана». Следовательно, Москва сама *подтолкнула* возрождение всех видов религиозно-политического исламизма – от шиитского интегратизма в Таджикистане через различные суннитские толки до светского ислама в Азербайджане. Модификации ислама укрепляли идентичность мусульманских республик в отношении соседей, но одновременно направлялись против возрождения советского Туркестана и подчинения мусульманских республик Турции, Ирану и Пакистану. Исламская революция (в Иране и других странах) предшествовала кризису и распаду СССР, что затормозило тягу советского ислама к указанным государствам.

Четвертый тезис. Среднеазиатские республики бывшего СССР являются *постколониальными*, поскольку провозглашению независимости предшествовал исход русских. При других обстоятельствах этот процесс был бы *удачной деколонизацией*. Однако некоторые республики задержали «своих» русских и призвали новых русских «сотрудников» - представителей силовых структур. Лишь в Казахстане складывается другое положение, поскольку численность русских и казахов примерно равны. Поэтому ответственность разделяется на всех уровнях и провоцирует постоянные этнические конфликты. В республиках с превращенным сепаратизмом (особенно на Кавказе) возрождаются прежние этнические конфликты (армян и азербайджанцев, грузин и абхазцев, осетин и ингушей и т.д.). Эти конфликты восходят к древним временам, предшествующим господству Российской империи в этом регионе. Здесь возникла оригинальная ситуация: грузины стремятся освободиться от русских, отрицая собственную колониальную власть над Аджарией и Абхазией. *Современный Кавказ – образец доколониальной, а не постколониальной ситуации*. А Россия опять выступает арбитром в пограничных конфликтах.

Пятый тезис. Положение в мусульманских и кавказских республиках обретают особый смысл на фоне аналогичных событий в Сибири. Весной 1992 г. в Красноярске состоялся Сибирский Конгресс, делегаты которого требовали отделения от правительства России, а не от России, подчеркивая роль Конгресса как средства давления на Москву. Это событие выявило два обстоятельства:

1. На Конгрессе отсутствовали главы исполнительной власти (представители Москвы), что свидетельствует о нарастании конфликта центральной власти с представительными институтами.

2. Национальные республики Сибири (Тува, Якутия-Соха и Бурятия) объясняли отсутствие на Конгрессе нежеланием отождествления их с «сепаратистами». Эвенки требовали перехода от территориальной к национальной автономии в рамках России, а не Сибири.

Сравнение этих фактов со вторым тезисом показывает *принципиальное различие* национальной идентичности и этно-сепаратистских тенденций. Например, отделение от Москвы не было главным мотивом действия прибалтийских республик в начале перестройки. Затем сепаратизм стал преобладать в Прибалтике, Грузии, на Украине, в Армении. Но если христианские нации выступают за национальную идентичность, то в других районах эта тенденция выражена слабо. Например, Татарстан потребовал суверенитета потому, что его руководство (татары и русские) желает «самостоятельно» распоряжаться природными ресурсами. В Сибири аналогичное требование выдвигают одновременно русские, якуты и буряты.

Итак, главная проблема СНГ – отрицательное отношение к концентрации и централизации власти при принятии решений. Но никакой специфики здесь нет. Таково *общее свойство* всех национальных движений в колониях. В СНГ возрождается старый антагонизм исполнительной и законодательной власти. В Российской империи роль органов представительной власти выполняли земства, в Советском Союзе – советы. Но эти органы так и не добились приоритета перед местной администрацией, независимо от высокой компетенции представителей (земство) и реальной репрезентативности (советы). Поэтому история СССР может рассматриваться как *аннексия* (поглощение) низших уровней власти (выразителей непосредственной демократии) высшими уровнями (посредством демократического централизма). В 1988 г. Горбачев пытался возродить советы – вернуть им права представительной власти. В 1993-1994 гг. Ельцин ликвидировал советы.

За этой дихотомией скрывается реальная проблема: «верхи» и «низы» игнорируют разделение властей. Например, Ельцин назначал своих заместителей в области и края, губернаторы которых тоже назначаются Москвой. Значит, в современной России нет реального местного самоуправления. Мэр Санкт-Петербурга А. Собчак (в русской терминологии – «демократ») не постеснялся сказать, что советы бесполезны, бессильны и только торпедируют решения. Следует напомнить, что в 1917 г. местные советы состояли из неграмотных и необразованных людей, которым принадлежала реальная власть. В нынешней России советы состоят из образованных и компетентных людей, но не имеют никаких законных прав и средств, кроме *противостояния* власти. Таким образом, представительные органы тоже руководствуются идеей единства законодательной, исполнительной и судебной власти и игнорируют разделение власти. А поскольку они остаются бессильными, центр самостоятельно устанавливает и исполняет законы. Поэтому проблема национальной идентичности России стала *подвижным и постоянным элементом проблемы власти*. Таков *шестой тезис* Ферро.

В заключение он констатирует, что конфликт центральной и представительной власти на высшем уровне (сегодня это советы, завтра будет дума или аналогичный синклит) скрывает множество проблем воспроизводства колонизации (во всех ее разновидностях) в СНГ и России. Такое положение сохранится до тех пор, пока на места не будет передана реальная исполнительная власть. Однако местная власть наиболее сохранилась со времен перестройки и государственного переворота. Она является рассадником сепаратизма, этноцентризма и антиреформаторских тенденций. Руководители областных советов на 80% состоят из представителей бывшего партаппарата. После кровавой стычки Ельцина с парламентом (октябрь 1993) их элиминирование по-прежнему проблематично.

События в нынешней России развиваются специфически. Номенклатура взяла реванш с помощью представительной власти от имени региональных интересов граждан. Она стимулирует такую рефлексию об идентичности, которая преобразуется в национализм, направленный против центра. Этим объясняются уступки Ельцина противникам свободного рынка, которые вчера стремились свергнуть Горбачева. Ельцин применяет ту же тактику лавирования, которой пользовался его соперник и предшественник.

«Перечисленные тезисы показывают, – констатирует Ферро, – что проблема национальной идентичности (рождения наций) связана с этническими, языковыми и религиозными мотивами, а также с управленческими, политическими и идеологическими причинами. Последние могут, но не обязательно должны вступать в конфликт с перечисленными мотивами. В нынешней России стремление к самостоятельности вытекает из всех указанных посылок, независимо от этнического состава населения. Следовательно, нация – это одновременно постоянная и преходящая форма общества»²⁹.

²⁹ Ibid., s. 356.

Попутные замечания

Я не исчерпал всю проблематику анализа прошлых и современных форм колониализма, содержащуюся в труде французского коллеги. Выскажу несколько частных замечаний.

Известное определение «История России есть история страны, которая колонизируется» В.О. Ключевский заимствовал у С.М. Соловьева, у которого существовала система взглядов на колонизацию России, заимствованная у западно-европейских историков³⁰. Эту теорию Соловьев считал своим нововведением в историографию России и не ссылался на первоисточники. Термин «колонизация» впервые употреблен Соловьевым в публичных лекциях 1851 г. Соловьев считал, что территориальный рост русского государства *предопределен* заселением огромных пространств путем колонизации. Восточно-славянское население выделяло из своих рядов поселенцев, проникающих все дальше вглубь Евразии. На северо-востоке проживали финно-угорские народности и колонизация была мирной, поскольку образы жизни пришельцев-земледельцев и аборигенов-звероловов дополняли друг друга. На юго-востоке колонисты вели непрерывную борьбу со степными кочевниками.

С.М. Соловьев рассматривал феномен русской колонизации в контексте мирового исторического процесса, подчеркивая родство германской и славянской колонизации и сравнивая расширение русского государства с процессом завоевания европейскими державами заморских колоний. Соловьев считал главным предметом исторических исследований развитие государства. Одновременно он отмежевывался от Н.К. Карамзина, который полагал территориальный рост России результатом непрерывных войн с соседями. Вместо теории завоевания Соловьев выдвинул теорию колонизации. При ее разработке он опирался на западно-европейские концепции, наполняя их материалом из русской истории.

Действительно, в Великобритании в 1840-е гг. возникло новое направление в политической экономии – теория колонизация. Она изучала экономические и социально-экономические проблемы колонизации и стремилась выработать рекомендации для английского правительства. Однако Соловьев при изложении русской истории упустил из виду проблемы, описанные в книге М. Ферро. Молодой Соловьев считал колонизацию позитивным явлением. Зрелый Соловьев придавал колонизации негативное влияние на русскую историю. Русская колонизация исчерпывала людские ресурсы, способствовала низкой плотности населения и постоянной миграции, препятствовала распространению частной собственности и применению наемного труда. В конечном счете русская колонизация усилила отставание России от Европы и укрепила самодовлеющие тенденции социального развития. В конце жизни Соловьев пришел к мысли, которая в 1920-е гг. стала евразийским шаблоном: «Россия есть государство пограничное, есть европейская окраина, или Украина со стороны Азии. Это украинское положение, разумеется, должно иметь решительное влияние на ее историю».

Требует уточнения также положение о господстве религиозных мотивов в борьбе между монголами, европейцами и мусульманами. Нередко эти мотивы объяснялись властными интересами мусульманских властителей. В частности, выдающийся германский исламовед А. Мюллер показал: многие мусульманские властители хотели сделать из своих крошечных государств нечто значительное и прибегали к помощи разных конфессий. Например, халиф Афдаль рассчитывал на крестоносцев, а халиф Насир (представители династии Аббасидов, 1180-1225 гг.) – на монголов: «Желая как-нибудь пожить на счет богатого соседа, халиф убедил из корыстных видов монгола Чингисхана напасть на область шаха Хорезма, нисколько и не подозревая, подобно всякому жившему в западной Азии, подлинной силы этого

³⁰ См. об этом подробнее: Сили Ш. Возникновение и источники теории «колонизации» С.М. Соловьева // Вопросы истории. – 2002. – № 6. – С. 150-154.

страшного человека. Таким образом, признаваемый всеми за сберегателя веры, сам он накликнул катастрофу, погубившую все исламские государства»³¹. Иначе говоря, монгольское иго над странами ислама было мотивировано внутренними мотивами властной конкуренции. Аналогичные мотивировки можно обнаружить и в истории Северо-Западной Руси, князя которой нередко призывали монголов в целях борьбы с православными соперниками.

Этот мотив можно обнаружить и в противоборстве Англии и России в Средней Азии на протяжении от Петра I до 1907 г., когда был заключен англо-русский договор. Отметим несколько моментов:

1. Использование науки для маскировки колониальных предприятий. Так, во время неудачной экспедиции по захвату Хивы в 1839 г. генерал Перовский хотел, «...чтобы англичане поглубже увязли в своей афганской авантюре и оказались не в состоянии протестовать против аналогичной деятельности Санкт-Петербурга по смене властителя в Хиве. Если бы стали просачиваться слухи о приготовлениях, то экспедицию надлежало официально характеризовать как «научную», направляющуюся для изучения Аральского моря, лежавшего как раз на пути. Действительно, в последующие годы «научные экспедиции» часто служили прикрытием активности русских в Большой Игре, тогда как англичане предпочитали посылать своих офицеров с аналогичными заданиями в «свободный поиск», что позволяло при необходимости от них отречься»³².

2. Лозунг цивилизации связан с неопределенностью границ между государствами, и все европейские страны, включая Россию, были заинтересованы в неопределенности для маскировки захватов. Так, меморандум Горчакова составлялся просто для того, чтобы Россия могла выиграть время: «Российские завоевания не остановились на обещанных Горчаковым рубежах и продвинулись еще дальше на юг... В действительности же тогда граница была всего лишь неопределенной линией на еще более сомнительной карте»³³.

3. Мнимый конфликт между дипломатией и военными в период колониальных завоеваний. Спустя некоторое время после меморандума Горчакова был издан труд полковника М.А. Терентьева «Россия и Британия в борьбе за рынки Центральной Азии». Его взгляды были полной противоположностью Горчакову. «Это подтверждается другими примерами стратегии двойной политики России. Одна, исходящая из Санкт-Петербурга, была официальной и склонной к компромиссам. Другая, неофициальная и агрессивная, была в употреблении внутри страны, хотя при необходимости всегда могла быть дезавуирована»³⁴. Позиция военных бала выражена генералом Скобелевым в связи с взятием крепости Геок-Тепе. Младенцев кололи штыками, рубили на куски, женщин перед смертью насиловали. В течение трех дней Скобелев позволял своим войскам, среди которых было много пьяных, насиловать, грабить и резать. В оправдание своих действий он впоследствии заявлял: «Я придерживаюсь того принципа, что продолжительность мира находится в прямой зависимости от резни, которую вы устраиваете врагу. Чем сильнее вы на них давите, тем дольше они сидят тихо». Это, утверждал он, куда более эффективный метод умиротворения неприятных соседей, чем традиционный британский, использованный Робертсом в Кабуле: публичное повешение главварей порождает только ненависть, а не страх»³⁵. После аннексии Мерва русские ответили,

³¹ Мюллер А. История ислама. От доисламской истории арабов до падения династии Аббасидов. – М.: Астрель, 2004. – С. 899.

³² Хопкирк П. Указ. соч., с. 256.

³³ Там же, с. 414.

³⁴ Там же, с. 429.

³⁵ Там же, с.476

что «...это произошло по требованию туркмен, которые пожелали, во-первых, покончить с состоянием анархии, а во-вторых, наслаждаться благами цивилизации»³⁶.

4. Россия из завоеванных ханств создавала Центрально-Азиатскую империю. А царь Александр II, как гласило официальное заявление, «уступил пожеланиям жителей Коканда стать российскими подданными». В действительности большинство населения в таких случаях выступало как против русских, так и против их местных марионеток. После взятия Коканда в 1875 г. оказалось, что русские всего за десять лет аннексировали территорию размерами в половину Соединенных Штатов. А местные царьки (типа Якуб Бека) сраивали Англию, Россию и Китай в данном регионе для сохранения своих позиций³⁷.

Кроме того, в современной историографии показано, что Афганистан должен был стать базой для экспорта революции в Индию – одной из главных целей Коминтерна. Для Москвы крайне важным было переключение внимания Кабула на южное направление его внешней политики – Индию. Для этого советская сторона (согласно секретным приложениям к договору между Г.В. Чичериным и афганской делегацией от 28 февраля 1921 г.) должна была оказывать Афганистану военно-экономическую помощь: безвозмездное ежегодное пособие в размере 1 млн. руб. золотом; оборудование телеграфной линии Кушка-Герат-Кандагар-Кабул; направление в распоряжение афганского правительства технических и других специалистов, 12 самолетов, школы авиации, 2-4 батареи зенитных орудий, 5000 винтовок с запасом патронов, строительство завода для производства бездымного пороха. Договор ратифицирован обеими сторонами. Но Кабул вмешивался в бухарские дела, стимулируя басмачей. Советское руководство продолжало оказывать помощь Афганистану, несмотря на это вмешательство. Политбюро смирилось с помощью Афганистана повстанцам Средней Азии, так как считало возможным использовать Аманулла-хана в своей политике на Востоке как противовес влиянию Англии. В результате такой политики повстанческое движение в Средней Азии против советской власти продолжалось еще 10 лет. Причем Сталин сам в обход НКВД и ОГПУ возглавлял практические меры в этом направлении. В результате советские войска под руководством В.М. Примакова воевали против врагов Аманулла-хана³⁸. Иначе говоря, советское правительство само провоцировало движение басмачества ради достижения стратегических колониальных целей.

Наконец, реальное значение лозунга цивилизации и цивилизующей роли Москвы в Сибири, на Кавказе и в Средней Азии неплохо описано в мемуарах К. Филби - легендарного советского шпиона, члена Кембриджской «четверки». Его жена Р.И. Пухова-Филби сообщает много сведений о советской бытовой цивилизации. После разоблачения и перебежки в Москву КГБ посылало К. Филби в путешествия. При поездке в Сибирь его поместили на пароход «Комсомолец», в котором галльон был отвратительным. «Кому довелось посещать подобные заведения на наших вокзалах, тот может себе представить себе этот уровень «гигиены»... Чтобы сократить до минимума эти визиты, мы приспособили под ночной горшок банку изпод варенья, которую опоражничали через иллюминатор»³⁹.

Во время поездки в Тбилиси К. Филби с женой поселили в центральной гостинице. В буфете были только молочные продукты и сосиски. Как оказалось, у грузин этим завтрак не ограничивался: четверо покидали буфет, оставив под столом с полдюжины бутылок шампанского. Молодые люди, с которыми они разговорились, сетовали, как трудно живется интеллигенции в коррумпированном обществе. Грузинские чекисты подвергли гостей культуре

³⁶ Там же, с. 486.

³⁷ Там же, с. 418.

³⁸ См.: Гиленсен В.М. Повстанческое движение в Средней Азии и советско-афганские отношения в 1920-е – начале 1930-х годов // Восток. – 2002. – № 2. – С. 56-70.

³⁹ Филби К. В разведке и в жизни: сборник статей и мемуаров. – М.: Эксмо, Яуза, 2005. – С. 569.

грузинских тостов: вначале за родителей, затем за мир, потом за детей и пр.: «И нам не удалось пригубить вина, пока не были исследованы все аспекты этой проблемы. А вполне цивилизованному человеку (сотруднику КГБ) не хватало такта и чувства юмора, чтобы смягчить ситуацию. Для Филби эта процедура была мучительна. Официальный тон застолья нам так и не удалось переломить»⁴⁰.

При поездке в Армению-Азербайджан-Среднюю Азию хозяева постоянно наливали самый дорогой коньяк, хотя ни Филби, ни его жена не пили. А в дешевом сухом армянском вине им отказали. Потом выяснилось: приставленный телохранитель уносил домой початые бутылки коньяка. Глава армянского КГБ постоянно следил за недопитой рюмкой, воспринимая это как личную обиду. В то же время не протестовал против откровенной нищеты армян. Любая экскурсия превращалась в застолье. «Мы изъездили Армению вдоль и поперек, любовались древними памятниками архитектуры и искусства. Но когда я пытаюсь возродить эти воспоминания, все заслоняют непрерывно жующие челюсти»⁴¹. А когда собирались в дорогу, горничная – «добродушная бабушка неожиданно превратилась в злую фурию. Стала носиться из угла в угол, толкая меня. Однако, увидев на столе деньги, стыдливо оставленные мной, сразу бросилась целовать»⁴².

При приезде в Азербайджан «...нас встретил глава азербайджанского КГБ. Они постоянно обнимались с Сашей (водителем-армянином), навязчиво демонстрируя, как могут любить друг друга армянин и азербайджанец. Это только доказывало, что не все ладно «в нашей дружной семье единой». В Баку гостей поселили в люксе размером с танцевальный зал. Вдоль стены тянулся огромный сервант, совершенно пустой – ни стакана, ни ложки. Зато в центре стоял рояль. При поездках мнение гостей никого не интересовало и им ничего не объясняли. Зато кавказские экскурсоводы по болтливости напоминали турок: «Ким рассказывал, как в Стамбуле, чтобы отделаться от назойливого гида, он поставил ему условие: заплатит ему только в том случае, если тот не произнесет ни слова. Через короткое время гид не выдержал и заговорил»⁴³.

В Ашхабаде поселили в современной гостинце, где не было воды. От приглашения к тете сопровождающего сотрудника ГБ невозможно было отказаться, поскольку тетя обидится. На всех таких встречах самым трудным было то, что исчерпав все слова благодарности и восторга по поводу приема, мы не знали, о чем с ними говорить. Во время поездки по самым богатым колхозам нам везде показывали очень дорогие позолоченные памятники вождям и героям. А в роскошных домах культуры канализацию заменяли далеко не «культурные» дырки. Ким не мог понять, почему тратятся громадные деньги на помпезные памятники вместо того, чтобы использовать их на устройство канализации. После такой поездки по приезду домой Ким Филби сказал: «Давай забаррикадируемся, чтобы никого не видеть и не слышать»⁴⁴. Эти поездки проходили в 1970-1980-х гг. и показывают реальные бытовые следствия использования дипломатами лозунга цивилизации ради новых завоеваний.

Заключение

Концепция французского историка позволяет систематизировать громадный исторический материал для углубления представлений о колонизации, колониализме и неоколониа-

⁴⁰ Там же, с. 576-577.

⁴¹ Там же, с. 582.

⁴² Там же, с. 583.

⁴³ Там же, с. 583-585.

⁴⁴ Там же, с. 585-589.

лизме. Наиболее важны выводы М. Ферро о принципах и проблемно-понятийной структуре анализа.

Схема «великие географические открытия – колониальная экспансия – империализм – деколонизация» не соответствует исторической реальности. Начало колонизации не совпадает с эпохой географических открытий, а связано с обоюдной священной войной христианства с исламом. Представители обеих религий считали торговлю формой священной войны. Страсть к деньгам – следствие распространения христианства и ислама. На первом плане европейской колонизации стоял Христос, а не богатство. Для исламской колонизации главное значение имела связь религии и языка. Европейская колонизация и освобождение Европы от ислама начались на рубежах христианства. Религиозный энтузиазм, страсть приключений и жадность – предпосылки великих открытий и колонизации. Универсальным фактором обеих религий является война между разными конфессиями в рамках одной религии (католицизма, православия и протестантизма в христианстве, суннизма и шиизма в исламе). Внешняя экспансия обычно начинается после внутренней войны единоверцев.

История России универсальна, поскольку создала эталон внутренней колонизации. При этом следует также учитывать: связь территориальной экспансии и колонизации; зависимость реакций народов на колонизацию от их истории и идентичности; мировые параметры колонизации; переплетение колонизации с империализмом; параллелизм колонизации и борьбы за независимость; причины и следствия внутренней и внешней колонизации.

Внешняя (христианства с исламом) и внутренняя (между католицизмом, православием и протестантизмом) священные войны способствуют сходству колониальной экспансии и империализма. В этом смысле история России тоже эталон, в состав которого входят следующие факторы: превентивный захват и дискретность территориальной экспансии; связь религии с армией по мере территориальных захватов; на этой основе возникает тождество религии и цивилизации; милитаризация конфессий ведет к разработке геополитических идеологий; журналисты преобразуются в имперских идеологов; имперская символика господства переплетается с материальными интересами; государства становятся современными империями по мере утраты колоний; для преодоления угрозы гражданской войны осуществляется захват новых территорий под лозунгом глобальной имперской политики; так происходит деиндустриализация колоний и специализация их сельского хозяйства на выращивании непищевых продуктов.

В результате этих процессов империализм, колонизация и деколонизация переплетаются. Деколонизация – это замена верховной власти при неизменности сложившихся социально-экономических связей метрополий и колоний. Понятие и ценности цивилизации выполняют идеологическую функцию. Цивилизация и расизм взаимосвязаны. Особое значение имеет двойная религиозность империализма – экспансия определенной формы религиозной веры в колонизированные регионы.

Естественно, продуктивность концепции М. Ферро во многом зависит от конкретизации принципиальных положений:

- колонизация своей страны – общее явление социальной и политической истории;
- история России обладает универсальным значением, поскольку эта страна создала модель соединения колонизации с империализмом;
- колонизация – это следствие и реакция на разновидности ига (арабского, китайского, татаро-монгольского, исламского, христианского и пр.), которые повлияли на социально-экономическую историю стран и регионов;
- по отношению к конфессиональным колонизациям следует подчеркивать их внутренние конфликты, а не отличие от других конфессий;

- для этого требуется пересмотр главных понятий дипломатического словаря (государственные интересы, сфера влияния, превентивный захват территории, защита страны, таможенные тарифы и т. д.), поскольку они скрывают фактическую территориальную экспансию;
- монетаризм есть разновидность меркантилизма и способствует воспроизводству колониальных отношений и структур;
- имперский выбор в XX в. стал реальной политикой ведущих стран;
- финансовый капитал и торговля оружием – критерии превращения страны в империю;
- цивилизационный подход скрывает колонизацию и расизм, оставляя почти неизменной сложившуюся бытовую культуру завоеванных стран;
- системы права и экономики в значительной мере есть продукт колонизации.

Я думаю, что применение концепции М. Ферро к обсуждению прошлых и настоящих социально-экономических, политических и культурно-цивилизационных проблем российской колонизации и империализма будет способствовать разработке теории колониализма. По крайней мере, факт популярности евразийства в России, а также публичные выступления нынешнего Президента, руководителей силовых структур, финансово-промышленных ведомств и думских деятелей показывают: все они почти слово в слово повторяют колониально-имперские аргументы и логику, описанные в книге французского ученого. Проблема смещается к поиску социальных причин, групповых и индивидуальных мотивов этих аргументов и их систематизации в целях когнитивного и практического сопротивления. Эти проблемы частично рассмотрены в рубрике «Живое прошлое» в данном номере журнала.